

Варадеро

An aerial photograph of a tropical beach. The top half of the image shows clear, turquoise water with gentle waves breaking onto a wide, white sandy beach. The sand is bright and textured, with some small dark spots scattered across it. The overall scene is serene and idyllic.

Март Владислав

Владислав Март Варадеро

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67301777

SelfPub; 2023

Аннотация

История путешествия одной семьи на Кубу в период пандемии коронавируса с отступлениями, флэш-беками и режимом опыт в обмен на философию.

Содержание

Начало	5
Носки, как способ	7
Суть курортного отдыха	9
Шереметьевские кубинцы	13
Забота и маята	17
Правши и левши	21
Трафаретная строгость	24
Новый дом	27
Здравствуй, океан	31
Папа, мама, дочь	35
Язык людей	39
Логерта	44
Бокс и Китай	46
Дыра в паутине	49
Колин Фаррел и другие	51
Пищевые привычки	54
Садовник и океан	58
Пляжные дела	63
Маленькая страна	68
Чтение и слушание	72
Местные люди	75
Птицы-динозавры	79
Имя твоё – имбирь на языке	86

Граждане и гражданки	87
Пляжные дела-2	93
Чудеса	96
Возвращение	100
Финал	103

Владислав Март Варадеро

Начало

Проснулся отчего-то среди ночи. То ли моя горизонтально возлежащая нижняя левая восьмёрка начала беспокоить, то ли пёс шумно задышал и перевернулся на другой бок. Глянул на источник света. Кислотно-зелёные как кровь злого персонажа часы показывали 4:44. Голову накрыло волной раздумий да так плотно, что показалось будто не усну во все никогда на этом свете. Надуманный поход в туалет и рассматривание с высоты кухни серого мокрого двора не вернули сон. Только вспомнил, что вчера пришлось припарковаться за три дома и хорошо бы переставить машину. Найти утром силы выйти в это висящее облако из воды и гнилых листьев, перегнать машину на освободившееся место за счёт тех, кто работает неудалённо. Лежание на холодке, без одеяла, тоже не помогло. Поток пронёсся сквозь меня: новая схема домашних тренировок, регуляция рождаемости в Китае, планирование работы на неделю, впечатления от книги Арундати Рой, воспоминания о каких-то доковидных командировках и нечаянных встречах с бывшими однокашниками. Одна только мысль из этого потока задержалась цепко,

обросла деталями и усыпила меня в конце концов. Мысль о том, что неплохо бы простимулировать себя и продолжить творчество-хобби, похожее больше всего на создание текста. Записать и прокомментировать свои впечатления от поездки на Кубу. Это яркое приключение, светлое как уличный фонарь в тёмную зимнюю ночь в детстве. С комментариями человека опытного в путешествиях, второй половины жизни, с находками и приметам дороги, людей и природы, с отступлениями на всю широту мнения, на всю глубину зрения, персонажа испорченного долгим обучением и работой с умными людьми, понаехавшего москвича. Потом наступил второй сон. После него я встал уже тяжело, в 8:38, как второклассник, которому купили накануне игровую приставку, но собрался и начал этот текст. После завтрака. Не может быть творчество важнее завтрака, ведь и читать это на голодный желудок никто не будет, зачем же начинать писать так.

Носки, как способ

Носки обязательно должны с чем-то гармонировать, что-то дополнять. Не может современный горожанин просто так носить носки. Они должны отражать мироуклад хозяина, дополнять футболку, хотя бы отражать господство демократии, но обязательно нести миссию. Не время сейчас бездумно относиться к носкам. Помните того канадского премьер-министра, что сидел на подиуме на высоком саммите в носках с Чубаккой? Сильно, потому что он может. Ему демократия говорит, носи что хочешь, королева не указ. Вот он и дополнил свою демократическую точку зрения носками. И каждому в зале стало ясно, что Чубакка на носках премьера – это гарант неотступного продолжения либеральных реформ в кленовой стране. Не нужно делать пресс-конференцию, всем понятно, что гей-браки будут легализованы, а Первые нации защищены от произвола глобального потепления. Такие носки. Мы с дочкой сидим в Шереметьево Дз рядом на удобных металлических стульях и вытягиваем ноги как можно дальше в сторону окна и мельтешащих внизу чудных машинок аэропорта, чтобы из-под джинсов показались наши носки. У неё жёлтые с эмблемой пива из «Симпсонов» – «Duff» – подобранные под ботинки, жёлто-чёрные с лицом Лизы Симпсон. У меня тёмные с яркими полосками. У Даши кричащий носковый посыл. Несуществующее

пиво над Лизой, самостоятельной умной девочкой из города-дураков Спрингфилда. Это современная аллюзия Алисы из Страны чудес и чайника, Элли из Канзаса и очков с зелёными стёклами, Красной шапочки и пирожков. Девичий герой и один из артефактов её мира, что так редко серьёзно понимается обществом. В жёлтом цвете – цвете отравления хлором – эта пара шагает по полу аэропорта, обработанного хлором, мимо полок с алкоголем, что приведёт к желтухе, к полкам с шоколадом в золотых обёртках. Мои носки как будто бы не выражают подобного. Просто полоски щиколоток. Кроссовки напротив, это беговые невесомые «Reebok» на белой подошве из пены с бортами и шнурками цвета между голубым и цветом морской волны. Да, меня по ним можно найти в толпе. Однако, когда я сниму их в самолёте, двенадцатичасовой рейс всё-таки, то будет видно, что пятки и носки носок точно такого же голубо-волнового цвета, как и верх кроссовка. Стоящие рядом на полу лайнера они будут великолепной парой, гармонией мелочей. Не выражаем пока с трибуны сопротивление и приверженность идеалам демократии, но всё же подчёркиваем принадлежность к людям, которым не безразличен цвет, сочетание и симметрия. Носок есть способ напомнить миру внешнему о внутреннем. Рад, что дочь переняла это от родителей.

Суть курортного отдыха

Курортный отдых это сжатая до двух недель жизнь человека, модель, которую можно прожить легко, прожечь, а можно волочить до могилы собирая по пути болячки, а можно и вовсе попасть под движущееся средство не по своей вине. Первый день – младенчество. Ничего не понятно. На каком языке с ними говорить, что от тебя хотят, куда стоит эта очередь взрослых. Запросто рождается обида на то, что игрушка не досталась или отсутствует в расписании любимый мультик. Относишься к незнакомым добро и пытаешься участвовать, но все говорят, что делаешь не то, посторонись, надо подождать, номер не готов, без браслета не ходи, цыгане украдут. Сталкиваешься с местным старшим ребёнком, который тащит гору мороженого, а тебе не дают и не разрешают идти искать откуда он прёт, толкнуть его и отобрать тоже не дают. Утром второго дня наступает детство. Восторг от моря, брызг, солнце твой друг, не обжигает, а только светит. Идти кушать не хочется, зовут насильно, хочется сидеть в воде и бегать по траве без причины, валяться в гамаке, но недолго, потому что опять уже пора в воду. По пути на обед купаешься во всех бассейнах и даже специально выстраиваешь маршрут в ресторан чтобы упасть в каждый и увидеть сразу все клумбы, сорвать что-то на бегу. Еда вкусна, но ешь впопыхах, ведь море может от тебя убежать. А мороженое какое

изумительное... Знакомишься легко, но настоящей дружбы нет, некогда, солнце сядет и придётся идти спать. Подростковый возраст берёт своё на первой неделе. Ходишь по тропинкам срезая углы, оставляешь мусор на пляже, просто из вредности, подсматриваешь за отдыхающими. Подмечаешь дорогие девайсы, модные тряпки, много-много музыки в голове. Местная быстро раздражает, своя в телефоне быстро надоедает. Интернет ужасный, а из-за разницы во времени твои друзья не онлайн и всё раздражает снова даже больше, чем необходимость стоять в очереди за макаронами. Пьёшь газировку, ешь всё без разбора, отпрашиваешься на дискотеку, но там бесит снова местная музыка. Свою любимую опять забываешь накачать пока сидел в общем холле, а в номере Wi-Fi не ловит. На экскурсию не хочешь. Неожиданно млеешь от котика на лужайке и идёшь его кормить, нарушая запреты на вынос еды. Впервые в жизни обгораешь и теряешь наушники. В конце недели взрослеешь. Рационально покупаешься сувенирами, торгуешься, считаешь в уме сколько магнитиков нужно и не лучше ли привезти много алкоголя, чем много кофе. Хитришь на раздаче кальмаров в ресторане а-ля карт. Разговариваешь с местными по-английски вставляя только что выученные местные термины. Уверенно улыбаешься незнакомым и сообщаем соседям по пляжу, что мол туда-сюда инвестиции, сезон не тот, кому нужен сейчас свой автомобиль. Экскурсии в город и дальняя вылазка в море приносят удовольствие сравнения с другими курортами.

Убеждаешь себя, что деньги потрачены не зря, отдыхаем богато и со вкусом. С женой слушаешь живую музыку после ужина. Утром легкая пробежка, вплоть до захода в спортзал, вечером прогулки при луне с опознанием крабов по «Google Объектив». Оставляешь пару раз чаевые и меньше рассылаешь фото по мессенджерам. В конце зрелости допиваются все закупки из дьюти фри и приходится присматриваться к местному алкоголю. Телевизор работает во время дневного сна. На второй неделе движения замедляются и иногда позволяешь себе пропустить обед. Просто так, без причины, оставшись на пляже или в номере. Чтение неожиданно поглощает полдня, интерес вызывает классика, радуешься, что и лёжа можно потреблять аудиокнигу и сидя читать с телефона глаза пока позволяют. Ожоги и порезы лечатся привезённой аптечкой. Прочих туристов игнорируешь и разговариваешь только с семьёй и «материком». Интерес вызывают редкие настоящие иностранцы, как они живут, что думают, ах какие они всё же другие. Бесят дети, чем меньше возраст, тем больше бесят. Находишь кусок пляжа-моря, где их нет. В ресторане только салатики с брокколи и сухое вино, никаких сладостей и незнакомой еды. Бесконечно поучаешь своего ребёнка и вспоминаешь молодость. К концу второй недели чувствуешь, что знаешь отель как свой нос, что с возрастом увеличился. С иронией глазами провожаешь сумасшедших приезжих. Был везде, всё видел, деньги тратятся неохотно и на странные вещи. Птицы и рыбы куда больше интересу-

ют, чем люди и яркие огни территории. Появляется любимая туалетная кабинка, любимое блюдо, любимое кресло в баре. Кожа смуглая и морщинистая, стопы не влезают в обувь, на солнце глаза слезятся и не получается их вытереть рукой, всё как-то не получается. Отдых завершается и пора уходить каким-то плохо организованным путём. Вокруг люди, прожили эту 2-х недельную жизнь совсем по-иному. Одни пили до чертей, другие летали на самолётах в соседние страны. Опять взялись откуда-то все эти дети и нытьё про русскую душу. Отвращение скрыто за опущенными веками. Везите меня уже скорее в новый мир. Через полгода-год снова вращаешь колесо и переживаешь в этом ускоренном темпе новую микро жизнь, на другом море. Зачастишь настолько, что покажется, что ты и вправду старше тех, кто не ездит по морям. В России, на суше, стареешь быстрее друзей, быстрее родителей. Всё тебе ясно и всё уже было. Путешествующие куда как лучше знают не мир, но саму жизнь. Они столько раз вращали это колесо.

Шереметьевские кубинцы

Обойдя самый большой и богатый магазинами терминал в Шереметьево, купили негазированной воды по цене «Чинзано» и сели на свободные кресла ожидания немного вдалеке от выхода на посадку. Я страдаю болезнью, которая называется приехать на вокзал или в аэропорт за три часа до необходимого. Это пару раз спасало мои поездки, но все остальные сотни раз это приводило к томительному безделью среди временных случайных людей в дефиците солнечного света, сна и пищи. Моя семья страдает от моей болезни не меньше меня, так как я каждый раз убеждаю их взять такси раньше, проснуться раньше, уснуть раньше, собрать чемодан раньше, чтобы приехать и сидеть ждать у закрытых ворот. Всё повторилось и сейчас. Сидели и вспоминали ленивого таксиста, что никуда не торопился и даже ни разу не подрезал никого по пути из Внуково, где мы живём, в Шереметьево откуда улетим. Цветные огоньки в ночи за стеклами терминала тоже катились лениво. Постепенно появились и прочие пассажиры, пустые места между людьми уплотнились. Нас начали тихонько окружать кубинцы. Эти невысокие, низкие, нетолстые, в цветах кожи от начинки «Орео» до печенья «Орео», всё подходили и подходили, пока мы не стали сидеть с ними спина к спине. Молодёжь, одетая в стиле наших 90-х. На каждой вещи, футболка это или сапоги, глав-

ное – бренд. Огромные буквы D&G, Adidas на золоте скопились рядом. Часы пассажиров были непременно цвета трона махараджи и размером с пончик. Кроссовкам позавидовал бы любой американский рэпер. Когда кого-либо закидывал вверх руки чтобы размяться, сидя в кресле мы видели по 6-8 массивных печаток жёлтого металла, как будто шарниры робота. Кроме яркости одежды люди принесли с собой шум. Все как один они разговаривали по видеосвязи не используя наушники. Кричали в коробочку телефона, махали ладошками и им кричали и махали в ответ. Разговоры длились десятки минут и после завершения начинался новый вызов. Уставшие от общения слушали музыку или листали ТикТок и тоже без наушников. Смеялись над роликами и подпевали. Каждый такой телефоносец рождал шум на целый подъезд, а вокруг нас их было уже два десятка. Люди цвета кофе с молоком и без всё прибывали и прибывали, и я начал уже сомневаться, что кроме нас в Варадеро летит ещё хоть какой-то турист. Кубинцы дефилировали в кожаных куртках и гремели браслетами отчего становились похожими на цыган. Спрятаться от них можно было только в магазине и туалете. Но воду мы уже попили и умылись, так что приходилось превращать своё терпение в любопытство. Я, изучающий испанский, пытался вслушаться в речь и улавливал отдельные знакомые слова. Однако первое столкновение с кубинским испанским оказалось катастрофой. Скорость речи была фантастической. Они словно издевались, не может живой чело-

век говорить так быстро. Даже супруга моя, незнакомая с испанским, заметила, что понять что-то мне не удастся. Грусть от языкового барьера, каковой я надеялся преодолеть в поездке усилилась, когда масса людей образовала очередь на посадку. Я увидел реку из иностранцев с массивной ручной кладью, размером, вдвое превышающим наш сданный чемодан, что покорно стояла лицо-затылок и не пропускала редких бледных туристов. И они продолжали разговаривать на непонятном пулемётном языке. Мы вписались в медленный поток, между огромными надписями «Chanel» и «Nike», но я не был уверен, что нам достанутся места или полка. Через минут двадцать стояния на месте к нам вдруг подошла работница аэропорта и молча повела нас ко входу в рукав. На её лице было написано, что она не любит кубинцев, возможно даже и всех небелых, возможно даже по ночам она их сжигает на кострах. Наша семья покорно прошла вперёд всей очереди глазами поблагодарив женщину в униформе за её странное поведение. Оказавшись в почти пустом самолёте, мы ещё долго ждали пока поток войдёт, разместиться и хоть немного утихнет вместе с ухудшающимся доступом к Wi-Fi. Салон имел формулу 3-4-3 и мы приятно разместились на АВС с дочкой у окошка и мной у прохода. И сколько бы не звенели серьги на каждом из входящих, почти на всех мужчинах включительно, сколько бы не ходили взад-вперёд лосины в розовых ботинках, пассажиры расселись и захотели взлететь. Однако тут произошло то, чего я всегда ждал в

самолёте и дождался в этом моём 123-м в жизни рейсе. По громкой связи произнесли: «Если в салоне есть медработник, пожалуйста, подойдите...»

Забота и маята

Медработником я был довольно давно. Интернатура и ординатура по хирургии, годы работы в гнойной хирургии, комбустиологии, кафедральная работа, исследовательская, был близок к самоутверждению в проктологии и травматологии. Да и сейчас работаю на стыке бизнеса и медицины, хоть завтра могу выйти в поликлинику в Ясенево или на дежурство в сельскую больницу. И всегда садясь в самолёт я ждал этого киношного момента. После объявления по громкой связи я один среди сидящих встал и направился к стюардессе, ближайшей ко мне, в сторону бизнес-отсека. Жена такой же медработник, она благословила меня на миссию, поскольку знала, что я ждал этот вызов. В шуме работы двигателей я представился врачом. Стюардесса отвела меня в бизнес-класс, где ещё одна женщина стояла с вопрошающим взглядом и тоже оказалась медработником. Ну да, где же ещё быть элите общества, как не в бизнесе. Я поинтересовался у вопрошающей взглядом, кому из уютно устроившихся в огромных креслах стало нехорошо. Она извинилась и сообщила, что здесь у всех всё хорошо, она сама ждёт пока ей укажут на больного. Тут к нам вернулась девушка в униформе и сказала, что нужно идти назад в эконом, там ребёнок упал, что-то с рукой. Я пошёл за стюардессой практически до собственного места 25С, где стоял высокий мужчина, рассказы-

вающий соседям о падении сына. Медработник из бизнеса с нами не пошла. В общем, понятно, её специализация не в эконом-салоне. Таким образом я остался один на один с этим мужчиной, стюардесса тоже растворилась. Высокий этот тип мне был уже знаком. На посадке он без конца подходил к людям, то в одном, то в другом углу и рассказывал им что-то, затем переходил к следующим. Рассказал он и мне свою историю. «Шли-шли, тут малыш как упадёт, держу-держу, повис на руке, больно ему теперь». Я попросил показать малыша, сказав, что я хирург. «Отлично, а Вы детский или нет? Отлично!» – ответил высокий, и указал куда-то на три ряда вбок, сам же перешёл к следующей жертве и продолжил рассказ, как шли они с сыном шли, а тот возьми да упади. Я перелез через ряды, по пути впервые применив испанский для ускорения перемещения тел и оказался у двух мальчиков и апатичной мамы между ними. Младший, наверное, возрастом в год, плакал и во время суетливых движений щадил правую руку. Я осмотрел руку, вторую, нашёл, что явных признаков переломов крупных костей, вывихов нет, грудь-живот не болят, головой не бился. Область предплечья и запястья всё же реагировала, но без ран, отёка, воспаления, деформации. Вспомнил я даже про треугольник Гютера, хотя в тот момент имя автора не всплыло, только клинический смысл. Моё заключение было – ушиб. Чтобы слышали любопытные соседи по ряду уже смотрящие на часы, я сообщил громко стюардессе и родителям своё мнение. «Ушиб, можно повяз-

ку и лететь». В этот момент рядом оказался высокий папа, по пути к следующему слушателю истории о падении детей. Ему я объяснил ситуацию, честно сообщив, что рентген точнее моего осмотра. Мама мальчика молчала как овощ, стюардесса намекала, что и на Кубе есть врачи, можем лететь, папа рассказал об их крутой страховке на все случаи жизни, но попросил вызвать скорую и ушёл по рядам в закат. Через 10 минут подошли члены медбригады, которых я идентифицировал как молодая «врачиха» и пожилая «сестрица» с ящиком лекарств, на основании того, что ящик тащила пожилая. Это были штатные работники аэропорта. Осмотрев молчащую овощную маму, выслушав меня, они живо стали интересоваться как погода на Кубе и какие сейчас требования по въезду. Руку они не смотрели, предложили родителям госпитализацию, сняться с самолёта. Идею поддержали соседи по салону. Проходящий мимоходом папа отказался сниматься и ушёл с сторону бизнес-класса, где вероятно ещё не рассказывал свою историю. Я попросил бригаду сделать из чего-нибудь иммобилизацию для ручки и подписать у родителей отказ. «Врачиха» погналась за высоким с авторучкой, а «сестрица» открыла ящик чтобы доказать мне, что у них есть только картонные детские шины, но они слишком большие для этой ручонки. Пока я вертел странный картон явно из переработанной туалетной бумаги и думал можно ли его поломать-разрезать, «сестрица» догадалась использовать деревянный шпатель и начала прибинтовывать его, а «врачи-

ха» вернулась с заветной подписью. Я упросил оставить нам ещё бинтов и шпателей в дорогу. Имобилизация на перевязи получилась неплохо и я вернулся на своё кресло пересказывать семье диалоги не слышные в шуме турбины. Папу ещё какое-то время ловили по проходам. Оказалось, что он уже поменял историю падения на историю о том, что кубинцы загрузили слишком тяжёлый багаж и мы никуда не полетим, так как превышена масса самолёта. Капитан судна извинился за задержку рейса и мы начали руление к взлётной полосе.

Правши и левши

Попытка сразу погрузиться в плейлист не удалась. Гул самолёта забивал низы и верхи, слышно было только вокал. Как будто я слушаю чтение стихотворения вместо песни. Никакого журнала в кармане кресла не было. Бумажную книгу мы не взяли, электронные отчего-то читать не хотелось. С женой мы стали изучать экран, встроенный в кресло спереди и пульт управления к нему. Знакомые с системой по перелётам в Лондон мы очень удивились тому, что экран бу-тафорский. В контуре дисплея была просто плотная серая наклейка. Достаточно было её отодрать за уголок чтобы понять, что «телевизора» там нет и кина не будет. Пульт же оставался просто игрушкой, хотя на нём работали кнопки вкл/выкл освещения над креслом и кнопка вызова стюарда. На соседних русско-кубинских местах люди занимались тем же. Сначала аккуратно, затем смелее, отдирали наклейку монитора чтобы разочароваться финально. И тут я заметил, что почти у всех наклеек уже есть следы взлома и находятся они в правом нижнем углу. Редко у кого в левом нижнем. Возможно это отличие зависит от того правша или левша отклеивал покрытие псевдомонитора. У меня были следы взломы правши и их я усугубил. Дочка завидно вырубилась и более-менее выглядела спящей половину полёта. Заранее купленные подушки под шею не помогали, но и не делали про-

сживание времени хуже. Очень грело то, что купленные в интернет-магазине они были в пять, в пять, Карл! раз дешевле, чем встреченные нами в дьюти-фри-зоне и к тому же очевидно лучшего качества. Еда и прочая самолётная рутина не стоит пересказа. Но вот поход в туалет... Полетав над миром достаточно лично я никогда ещё не был в туалете самолёта, в отличие от моих членов семьи или коллег с кем посчастливилось быть в воздухе. Максимальный мой перелёт до этого дня был 4,5 часа и я не посещал туалетный отсек. Но 12-часовой перелёт подвёл черту под этим долгим периодом. Однажды я всё-таки посетил. Ожидания мои были куда хуже, чем реальность. Сравнить я мог только с поездом и сравнение это было в пользу самолёта, если не считать площади. Дырочка для стока в унитазе имела малое отверстие и как бы загнута была вправо. Этот факт единственное интересное, что я вынес из посещения. Ни дурных запахов, ни грязи, ни курящих, ни пьющих, ни большой очереди я не встретил. Не успели меня достать бродящие туда-сюда кубинцы, ноющие дети, жажда и боль в шее, как мы начали снижаться. Полёт в сторону Кубы прошёл удивительно легко и куда как выше ожиданий. Вся ломота в спине, ногах и шее, я надеялся, должна была совершенно улетучиться при первом взгляде на океан. Вовремя снятые кроссовки не только явили миру цветовую пару носков и обуви, но и предотвратили ряд жалоб на отёки и скованность. Перед самым приземлением я ещё раз улыбнулся в душе своей любви к планированию.

ванию. Всем раздали санитарные карты для заполнения. Новая фишка, вызванная необходимостью контроля коронавируса. На двух листах А4 нужно было заполнить персональные данные на английском слэш испанском. Я скачал формы заранее, заполнил дома и сейчас просто извлёк их из рюкзака для сверки шаблонов. Там же лежали ещё три экземпляра чистых и четыре авторучки. Это выдало бы во мне уже большого человека, но об этом никто не узнал. Убедившись, что шаблоны одинаковые я приготовился к посадке.

Трафаретная строгость

Наш рейс был единственным прибывшим. Судя по обстановке аэропорта, рейсов было очень мало. Как я позже узнал в этот пандемийный период было около 2 рейсов в неделю из Москвы и столько же из прочих мест. Однако штат на земле был огромный. Работники санитарной службы, таможенники, контролирующие органы, разные люди в форме, люди со швабрами, люди с рациями, все были на своих местах, словно ждали олимпийскую команду из Китая. На всех этапах чувствовалась ответственность и внимание граничащее со строгостью. При контроле паспорта стоять нужно было неподвижно и по центру стекла, девушки выполняли ручное ощупывание пассажиров, прошедших рамку, ручная кладь двигалась под икс-лучами медленно и часто вызывала вопросы контролёра. Впервые я видел сверку номера на багаже с номером билета дополнительно при выходе из аэропорта специальным работником в погонах контролирующим соответствующий турникет. Это нужное дело, только вряд ли приятное в условиях сотен прибывающих. На каждом шагу были меры по профилактике заражения: от вывесок до санитайзеров. Все прибывшие кубинцы носили две маски, одну поверх другой. Персонал кроме этого был в перчатках и защитных экранях на лице. Из-за этого их было плохо слышно, но зато видна была их забота. В религиозном экстазе

все до единого обрабатывали руки растворами антисептиков, также ручки дверей и турникеты. Делалось это добросовестно и не для показухи туристам. Мы сделали вывод, что, вероятно, в сложной экономической ситуации лечить на Кубе совсем нечем, поэтому заражение коронавирусом равносильно смертному приговору. И всё внимание отдано профилактике. Каждый раз проходя столь тщательный контроль какой мы видим в Москве или здесь в Варадеро, я думаю, как же там гнивающий Запад. В их аэропорты и вокзалы я входил годами без какого-либо металлоискания, ощупывания и выкладывания ножей и зажигалок. Выходил сразу в город неся любое количество вещей, взятых с ленты. Как же они так наивны и недальновидны, но и как же удобно пользоваться их хабами простому человеку. У нас произойдёт тоже самое или они станут вкладываться в безопасность? На вопрос ответит команда знатоков из Афганистана и Сирии. Вот он уже китайский автобус, гид и высокий папа уходящий в другой автобус, и новый штамп в паспорте. Сидя в ожидании остальных мы обсудили что-то необычное в залах аэропорта и снаружи. Везде, где обычно висят яркие рекламные щиты, мониторы телевизоров, неоновые вывески магазинов и направления движения потоков были просто буквы и знаки написанные краской. Никаких светящихся огней, всё аккуратно прописано по трафаретам на бетонных стенах. Снаружи испанские слова уже преобладали, а буквы были чаще яркие, зелёные и красные. Где-то уже выглядывало граффи-

ти, но такое официальное, будто учитель ОБЖ вырезал трафарет как ставить палатку в лесу. Ещё одним запоздалым впечатлением было присутствие на всех позициях молодых специалистов. Досмотр и прочие процедуры выполняли девушки и молодые люди, симпатичные и контрастирующие с той оравой кубинцев, что прилетела с нами. Контраст орков и эльфов. Контраст был такой сильный, что «наши» похоже вывалились на улицу после ночного клуба, а «их» были комсомольцами, заступившими на дежурство дружинниками.

Новый дом

Заселение всегда этап разочаровывающий, то очередь, то назойливость персонала, то откровенная взятка или непонимание, что люди летели полдня и хотят уже преодолеть финальное препятствие. Им и не много нужно этим туристам, покормите их, покажите, что понимаете и пообещайте заветный ключик от склада всех тех ненужных вещей, что жёны привези в семейном багаже. Только зайдя в главный холл, мне показалось, что отель пустой. Два-три сотрудника в белом на фоне огромного пустого пола, как недосбитые последние пешки на огромных отельных шахматах, только подчёркивали ощущение пустоты. Единственная темнокожая Юлия, громогласно по-русски направляла нас эхом к стойке и объясняла прописные вещи, о которых всё же можно было забыть в долгом пути. Юлия как оперная дива гремела и сделала целое шоу. Нас, немногих, проинструктировали и построили, объяснили про экспресс-тест на коронавирус. Я оглянулся и ещё раз, не нашёл высокого папу с ушибленным сыном. Обнаружил довольно интеллигентные лица, пары старше нас и без детей. Туристы из России были тихи и смиренны. Ресепшн общался на английском, но из-за двойных масок и экранов на лицах слышно было с трудом. Перекрикивая экран на лице и экран между столом и клиентом, персонал повышал голос до той степени, что в очереди

все были в курсе о предпочтениях и предложениях с обеих сторон. Гостям настойчиво предлагали докупить право жить в отдельном домике на территории, о чём я читал в отзывах на tophotels. Для нас предложение прозвучало ещё ярче. На троих рекомендовали не просто какой-то домик, а единственный лучший и самый-самый семейный домик-бунгало за 150 евро на всех на все дни. Не планируя дополнительных расходов, расслабленный тёплым воздухом, я неожиданно сам для себя согласился и оплатил, как в гипнозе, даже не произведя предварительный осмотр помещения. А, главное, ещё до результата экспресс-теста, не подумав, вернут ли деньги, если он у нас положительный. Такие спонтанные вещи несвойственны мне, до денег я расчётлив и жаден умеренно. Виню во всём тёплый воздух, которым успел надышаться по пути от автобуса до отеля. Начался этап раздачи чаевых носильщику на гольфмобиле и отметок про себя, что и где находится на немаленькой территории. Удивляло, что океана не видно. До домика-бунгало доехали за 2 минуты. Снаружи он представлял собой некрасивый бетонный куб в 2 этажа плотно обсаженный пальмами. Не кокосовыми, не финиковыми, а какими-то незнакомыми и взрослыми. Двухэтажка наша значительно возвышалась над десятком прочих маленьких одноэтажных бунгало из такого же безликого бетона. Все вместе они образовали «деревеньку» с зелёной зоной в центре и линией жизни дорожек из того же бетона. При входе в домик впечатления изменились. Тень, прохлада и

колониальный стиль. Просторный холл с плетёной мебелью, кухня, место для семейного просмотра ТВ, деревянная лестница куда-то вверх. Взбежав по ней, мы убедились в существовании двух больших отдельных спален, массы всякого смешного инвентаря, потрясных окон сложной формы, иногда занимающих два этажа. Нелепые, но оттого милые синие деревянные тумбочки, столики, шкафы без дверей дополнял отличный сейф и ванная комната со всем необходимым даже по строгим стандартам. Дочка сняла процесс входа в наш новый дом заново на видео, настолько мы были удивлены. Надо ли говорить, что все десять ближайших домиков оказались в первого взгляда незаселёнными и мы поняли, что отдых пройдёт лучше ожиданий. Одни в своей деревне. В этих палатах не хотелось распаковывать вещи, не хотелось решать где чья спальня, хотелось просто рухнуть в глубокие кресла и смотреть через просторный зал через окно на зелень и пролетающих птиц. Однако, мы собрали волю, переоделись и вышли на жару в облачении купальчиков на поиски океана, который всё никак не попадался на глаза, хотя во время трансфера мы ехали по дороге вдоль него так близко, что кепки могло бы слудть в воду через окно автобуса. Домик стал нашей базой исследования Варадеро, нашим тылом, нашим замком, возвращая в зимние дни, когда мы всерьёз рассматривали покупку дома. Мне было приятно показать семье, что всё нам по плечу в этой поездке и житие в собственном маленьком дворце входит в то самое всё включено. Хотелось

переслать сразу впечатления от обретения нового временно-го дома всем друзьям и родителям в чатах. Но мне показалась, что для кого-то это покажется выпендрёжем и я сдержался. Интернет в домике не ловил абсолютно. В мой план по цифровому детоксу это тоже входило.

Здравствуй, океан

Приезжая в Крым или Египет, или в Гаагу, везде помню яркое чувство, как вдох, как глоток щекочущей нос газировки, помню первый вид на море. Оно кажется огромным и нависающим над сушей, кажется способным перелиться на тебя, на прибрежную зону. Его уровень понижается только по мере приближения автобуса, автомобиля. Оптический эффект искажения закругляет море, делает правдивым историю о шарообразной земле. Моя первая в жизни поездка на море в «Артек» в 1991 году научила меня видеть это и развидеть нависающее полусферой море я больше не могу. Втроём мы двинулись интуитивно в стороны полосы пальм, можно сказать рощи, растущей на возвышении из песка и остатков кокосов, как будто дюна в Балтийске. За этими 20-30 метрами пышной зелени от нас скрывался океан. Дух захватило от полного его горизонта. Ровный и прямой. Спокойный и бесшумный. Цвета той самой морской волны, какой никогда не получается нарисовать используя стандартные цвета карандашей в наборе. Вовсе не голубой, бирюзовый, как небо над ним. Без белых барашек, как редкие молочные облака перед нами. Без синего, как парус вдали. Именно цвета морской волны. В следующие дни мы научились и в этом цвете различать спектр оттенков. Под солнцем более зелёный до изумрудного. Под солнцем, спрятавшимся на минуту за облако

– цвета «Тиффани», на рассвете синий с серыми пятнами, на закате сразу всех цветов одновременно, вечером, после ужина цвета Чёрного моря в солнечный день. Последний эпитет подсказала жена и он очень нас развеселил. Вход по медленно углубляющемуся песочному пляжу напомнил самый первый в жизни вход в тёплое море в дорогушем комплексе в Хургаде во время нашей первой совместной поездки за границу. Температуры воздуха, воды и тела, как тогда, так и сегодня была одинаковыми и приятными до состояния неги и сонливости. Вода прозрачная и безрыбная приняла нас. Я неспеша поплыл своим единственным стилем. Все странности перелёта и бытовуха обоих аэропортов растворилась без малейшего пузырька на поверхности. Я плыл и видел дно, плыл пока ещё на той глубине, где могу скорее всего коснуться песка. Не плавал в таком шикарном окружении премиум-водой несколько лет и опасался разрушить восторг нечаянно нахлебавшись водой в своём неуверенном перемещении с широкими отталкиваниями воды обеими руками. Семейные мои люди делали тоже самое, только довольно быстро уплыли вперёд и там разговаривали про чудо какой хороший океан. Не нависающий над берегом линзой, скрытый высокими пальмами, пустой со стороны как пляжа, так и воды. Мы по-прежнему не видели никаких людей и могли бы принять пляж за дикий. Тогда мы ещё полагали, что зашли в воду где-то на краю отеля и всё ещё впереди. И волейбол, и горячая кукуруза или её местный аналог. Плавал я долго, по-

ка не убедился, что не забыл, как это делается, как синхронизировать дыхание и движения моих длинных рук. Научился плавать я поздно, в 33 года, так что даже немного скрывал свою ущербность. Во время отдыха до 33 лет, просто заходил в воду и радовался жизни как умел без нарезания маршрутов кролем и брасом. Семья немного хихикала, но с пониманием. Родители не могли меня возить на моря в 80-е и 90-е по экономическим причинам, а редкие походы с классом в бассейн или поездки в пионерлагеря не способствовали обучению. Напротив, в среде наглых ребят, их соревнований, грубости тренеров, я только больше начал бояться воды. Но в прекрасные годы, предшествующие 2008-му, когда наши сбережения ещё позволяли конвертировать их в достойный отдых, мы поехали на Родос. Ошибка туроператора привела к тому, что вместо обалденного 5-звёздочного отеля нас на несколько дней поместили в самый лучший отель острова. Настолько пафосный, что таксисты накидывали 10 евро к поездке из него, объясняя пассажирам, что «Вы же живёте в Ле Меридиен, Вам не стыдно? У Вас куча денег!» И тогда, в той идеальной среде, где русские были только по ошибке, а половина отеля была запрещена для посещения молодёжи и детей для защиты проживающих от шума, там в райской обстановке из французских официантов и французского вина, я попробовал попробовать поплыть. Аутотренингом как-им-то заставил войти себя в воду и держаться в очень солёном Средиземном море. Увидев малый прогресс, заставил

себя повторить. Жена поддержала и предлагала помощь, которой я, впрочем, боялся. Типа подержать ноги или живот. Я шёл своим путём постепенно делая всё больше движений, не касаясь дна ногами и проводя на 10-15 секунд больше в положении, которое считал плавательным. К моменту нашего переселения в тот отель за который мы заплатили я уже поверил, что поплыву. В новом месте, вода показалась менее солёной и совсем сложно было в пресных бассейнах. Но я продолжал, боялся, но заходил. Помню, как однажды сделал 400 рассекающих воду движений руками и после сбился. Этот заплыв, да ещё и в бассейне без помощи соли, я считал сертификатом пловца. Теперь я умел. Случилось бы это в менее роскошном отеле? Я полагаю, что переплатил как раз за дар плавания. Обо всём этом я думал плывя вдоль, не поперёк, пляжа, засчитывая себе посещение Атлантического океана. Плыть от берега я так и не научился из-за страха незнакомой глубины. Хотя я могу очень долго плыть вдоль пляжей, при небольших волнах, не устаю и точно мог бы составить компанию своим уплывшим в горизонт. Но никак. Вдоль, вот мой заплыв. Где бы мы ни стояли, лежали, под каким бы углом не смотрели на воду, она всё так же была цвета рекламы «Баунти», цвета которого никогда не было в коробке с карандашами в школе №9 г Смоленска.

Папа, мама, дочь

Ощущение, что ты первым идёшь утром по этому песку, а войдя в воду, как будто ты есть первый человек, вошедший в этот океан. Все лежаки и навесы свободны. Весь пляж твой. По всем тропинкам только ящерицы и никаких таких людишек. Так стал начинаться наш день. Сначала из-за разницы во времени он начинался в четыре утра, затем в пять-шесть, позже мы могли проспать и завтрак. Пляж и океан с каждым часом наполнялись жизнью. После девяти присутствовали люди, хоть и с дистанцией метров в пятьдесят. Идеально для чумных времён. В выходные в отель приезжали местные с семьями, они отчего-то не выбирали позицию на пляже в среднем удалении от всех. То есть не делили собой эти пятьдесят на 25 и 25, а, напротив, могли лечь в 5-10 метрах от нас. Приходили они как-то массово, с толпой женщин, как будто богатый мусульманин вывел свой прайд, с детьми, с неуклюжими мужчинами разной степени пузатости и татуированности. Как все загорелокожие они прятались от солнца под навесами и подолгу стояли в воде. На контрасте с нами, бледнокожими, что лежали непосредственно под солнцем, а в воде нарезали олимпийские дистанции. Пляж до открытия первого бара был почти безлюден. После открытия второго, где кроме напитков была картошка фри, отдыхающие начинали активнее перемещаться, личные границы на-

рушались, следы на песке переставали быть только твоими. В полдень, отчаянные термоустойчивые россияне уже достаточно занимали воду, крутили катамараны и рулили парусом. Отчего они не делали этого в 9 утра, неясно. Скорее всего ещё не справлялись с вечерней интоксикацией. И где-то между открытием первого бара с алкоголем и началом жарки рыбы, можем назвать это третьим баром, происходил ежедневный спектакль аниматоров. Лично я не люблю анимацию в отелях, всё и так достаточно искусственно чтобы в этот придуманный рай вставлять ещё и натужные попытки занять чем-то взрослых. Если я до 40 лет не научился себя занять или организовать волейбол с незнакомцами, то моя низкая социализация не позволит мне и с аниматором заниматься. Всегда ранее избегал этот вид персонала, наиболее шумный и потеющий, приставучий и спортивный. Пришёл черёд убедиться, что и здесь такое существует. Однако Варadero покачало мои представления об анимации. Внезапная громкая из ниоткуда, но приятная музыка нарушала в обозначенный выше период времени тишину пляжа. На четырёх языках, включая русский, крупный и почти антрацитовый парень, одетый от запястьев до щиколоток в красный костюм зазывал желающих сначала на аквааэробiku, затем на волейбол и водное поло. Он не ограничивался общими призывами. Он лично подходил к каждому и на смешном русском с каждым по-своему заводил беседу, каждого по-новому приглашал. Он забегал в воду к купающимся, догонял их

на глубине и там объяснял, что сейчас будет за программа. На второй день он помнил особенности каждого на пляже и присвоил всякой компании и человеку какое-то необидное имя или запоминал настоящее имя, если ему его говорили. Мы стали для него «папамамадочь». Активные его попытки наша семья проигнорировала, мои девушки отчего-то никогда не участвуют в этом пляжном безобразии. Я сначала просто не мог попасть на волейбол, пропускал начало или не хотел играть с детьми, а затем заленился делать вообще что-либо кроме плавания, наблюдения за крабами и попыток наладить общение с носителями языка. Аниматор, надо признать, был великолепен. Тот, кто однажды вошёл в его круг аквааэробики, оставался там на весь отдых. Занятия проходили по пояс в океане и были такими яркими и шумными, что почти все женщины пляжа участвовали, а почти все мужчины пляжа снимали это с берега на телефон. И казалось, они просто ходят, танцуют и бесятся в воде, но это радовало даже тех, кто не принимал участие. Красный костюм мог внезапно бросить группу на минуту чтобы добежать до человека, следящего за спектаклем с лежака или из воды и пригласить его присоединиться. В такой неловкой ситуации конечно оказались в первый день и «папамамадочь». Я жестаи пытался пару раз подставить своих, показывая аниматору, что мол они тайно согласны. После этого между нами завязались какие-то дистанционные отношения. Он не уговаривал нас после нескольких отказов больше, но

всегда, и это было невероятно мило, каким-то образом выражал своё почтение или привет на расстоянии. Столкнувшись с ним вплотную можно было рассчитывать на смешную речёвку про «папамамадочь» и обмен жестами, ударами кулаков, какими-то альтернативными видами рукопожатий. Однажды я видел, как этот сотрудник приходил на работу утром. Он был весь в белом, обтягивающие джинсы с белым ремнём, белая футболка. Этот элитный аниматор постоянно сканировал окружающих и выдавал порцию громких приветствий всякому, неизменно называя каждого чем-то вроде нашего «папамамадочь». Самого его звали Майкл, видео с его водными процедурами в окружении хохочущих туристок это главное украшение отзывов об отеле на популярных сайтах.

Язык людей

Одной из важных для меня историй в этот курортный отдых была проверка моих знаний испанского. Я не много ждал от своих самостоятельных занятий плюс начитался, что кубинский диалект является довольно самобытным, вплоть до невообразимой редукции «с», одной из главных букв кастильского. Начал я тихонько, с приветствий и спасибо, с просьб принести сок-вилку-пиво. День за днём смелел и уже начинал разговор сам, неизменно объясняя, что начал изучать в локдауне, мой уровень невысок, но очень хочу общаться на испанском. Персонал, обученный под канадцев и англичан, завсегдатаев курорта, ходил с листками бумаги и на ходу учил русский. Россияне были единственными в Варадеро, кто преодолел вирусный барьер. Отели меняли ориентацию на ходу. По умолчанию, персонал начинал неплохо говорить на английском с терпением учителя младших классов. Мой монолог на испанском в большинстве случаев ставил людей в тупик. Многие продолжали отвечать на английском, отчего мне становилось стыдно, я думал, что совсем не умею ничего сказать. Однако через пару дней я понял, что это общий сбой. Местные просто не могли представить, что с ними будут общаться на испанском. Они отвечали, что почти никто так с ними не говорил и переходили со мной на постепенное потепление, которое могло даже вести к похва-

ле моих попыток. У персонала не было никаких акцентов и редуций, о которых я знал из интернета и я старался выложиться как в выслушивание, так и в выговаривание всего, что знал. Наиболее терпеливые люди начинали со мной говорить медленно, что сложно представить для испанского, давали мне место в их монологе и подбадривали. У меня появилось пара официантов, повар, мороженщица, обменщик полотенец с кем я каждый день тренировал свои пару фраз, а иногда за мной собиралась очередь с тарелками пока мы не наболтаемся. Повар на пляже и мороженщица в саду были самыми желанными контактами. Мы дошли до обсуждения мочекаменной болезни, особенностей фруктов, сравнения английских и русских туристов. Конечно, я понимал не всё, часто малую часть. На этой стадии обучения понимали меня. Этот этап знаком мне по изучению другого языка. Говорение у меня всегда опережало аудирование, в русском это тоже очевидно. Местные женщины куда угрюмее и делают вид, что меня не понимают, в то время как мужчины часто начинают общаться первыми и продолжают даже если мы не понимаем друг друга в обе стороны. Я придумывал себе испытания. Например, шёл на ресепшн спросить про автобус до городка или записаться в ресторан а-ля карт и нарочно говорил только на испанском. Мне объясняли на английском, но моя настойчивость брала верх, сотрудники переходили на испанский. Не сделал я этого только с Юлией и Анной, местными решателями проблем от отеля и туроператоров, чья энергия

и отличный русский не позволяла мне вставить даже привет на испанском. Я не мешал им работать. Жена приветствовала моё погружение в язык, иногда просила что-то попросить. Дочь, занимавшаяся испанским 1 месяц год назад иногда делала вид, что понимает речь, через неделю перестала обращать внимание на мои игры. Я не стеснялся. Люди в целом были отзывчивые. Моё заключение, что я вполне бегиннер в испанском, что и хотел подтвердить «в полях». Ловил себя на том, что категорически нельзя подменять гласные и род. Каждый день подтверждал истину, что на соревновании мы выдаём только 10% того, что умели на тренировках. Терпел, заходил с другого бока. Упираясь в стену непонимания, искал нового собеседника. Чтобы ускорить контакт, направляясь к новой жертве я составлял заранее пару фраз и выдавал их уверенно и скоро, остальное уже было как получится. Так как все надписи дублировались на английском, перемещаясь по отелю и за пределами, в аэропорту, я узнал много новых слов и мне нравилось рождающееся чувство «среды». Но самое яркое, особенное удовольствие я начал испытывать к концу отпуска не от того что меня понимали официанты или горничные, а оттого, что россияне, свидетели моих разговоров смотрели на меня как на особенного человека. Среди их «дайте, плиз, ту рыба» или «пожалуйста, зыс энд зыс», я бы и с английским стал заметен, но с испанским это была личная победа. Невероятно низкий уровень знаний английского был возможно не у всех, но столь заметный дефицит

я не видел ни в Египте, ни в Турции, ни в Тунисе. Люди собравшиеся в этом раю зарабатывали явно не знанием языка, работали точно не в международных компаниях, информацию брали из Россия24 и у меня появился вопрос, как можно заработать на такой отдых, не имея никаких знаний английского. Самые яркие девицы с айфонами и платьями, самые серьёзные мужчины в дорогих очках не могли попросить по-английски положить им понравившееся блюдо на тарелку. Они изобретали язык жестов пополам с рандомными числительными на английском и спасибо на испанском. Я уж молчу, что за 2 недели кое-что можно было бы и выучить. Нескоро я развижу, как молодые люди, явно москвичи, не могли объяснить в такси или на ресепшн, что они хотят. Как они прожили свои 20-30 лет в большом городе и не выучили элементарного? Конечно, были исключения. Упивавшиеся своим квадратным английским, я имею ввиду сильный акцент, барышни, доходившие до другого края. Из-за вычурных слов их переставали понимать. Во время семейного отдыха мы всегда стараемся увозить из страны пребывания несколько местных слов, учили все виды приветствий по-гречески, пытались по-арабски. От этого дикость российского туриста, не желающего сказать понятным образом «спасибо» нам так отвратительна. Похоже, что, как и в 90-х, сейчас средства на далёкий красивый отдых есть только у самых далёких от умственного труда людей. Все эти семьи мужчин-бегемотов с жёнами-козами и невоспитанными детьми служат в сферах

дающих богатство, но не требующих образования.

Логерта

Наша семья имеет отличительную черту, ставшую редкостью в жестоком мире российского капитализма, мы любим живое. Растения, птиц, рыб, всякое. Можем помочь нуждающемуся котёнку и потратить выходной на рассматривание сосен в Псковской области. С дюжину животных и вовсе считаем тотемными. Белки, суслики, вороны, большие чёрные жуки, дрозды, всем достанется внимание во время прогулки в лесопарке. Поэтому мы очень ждали когда же кубинская фауна и флора явит себя из-за угла, удивит нас и поразит экзотикой и милотой. Растения, незнакомые и совсем не посаженные рядами, а всамделишно дикие окружили нас в первый же день. Новые виды пальм, кокосы с трёхлитровую банку, яркие цветы. Но всё же ждали зверья. Зверьё вылезло посмотреть на нас в виде ящериц двух видов. Первые, тонкие с длинным хвостом, острым как хирургический инструмент, были похожи на абстрактный образ ящерицы в голове. Жена дней десять пыталась их поймать, смогла, но в её пальцах остался только кончик хвоста. Ящерица ускользнула, пожертвовав хвостом. Погладить существо так и не вышло. Второй вид ящериц напоминал миниатюрных варанов. Их закрученный плоской спиралью хвост торчал из-за каждой травинки, каждого камня. Стоило сделать шаг в тень, как из неё разбегались зелёно-коричневые ящерицы с неизмен-

ным лихо закрученным хвостом. Эти вторые ящерицы были самых разных размеров, от спичечного коробка, до отдельных гигантов длиной с ноутбук. Обмануть и приблизиться к ним было невозможно. Глаза смотрели сразу во все стороны, а самые крупные не сидели открыто в траве, а выглядывали из дыр в камнях, из-под крыш домиков и не ждали пока к ним подойдут. По пути на пляж через полосу дикой зелени на дюнах каждое утро мы распугивали десятки дружков-ящериц. Они были немногими из тех, кто встречался всегда, независимо от времени суток и погоды. Хвосты напоминали закрученные раковины и булки-улитки с корицей. В испанском слово «ящерица» похоже на имя персонажа сериала «Викинги» – Логерта – так и запомнили. Что только не живёт в нашей голове.

Бокс и Китай

Вечера в новом доме проходили какое-то время по одному сценарию. Мои домашние мылись-прибирались, а я щёлкал каналы телевизора до тех пор, пока мне не надоедало вслушиваться с испанскую и английскую речь многочисленных каналов. Тогда я продолжал переключение не ради языков, а ради картинки и находил что-то о природе или страноведении. К этому моменту мои девушки спускались по тёмной деревянной лестнице и рассаживались на плетёную мебель вокруг очага света от экрана. Отдельные углы освещали бра и торшер, но всё равно было приглушено. Я раскладывал вынесенные с ужина кусочки пиццы и хрустящие попки хлеба, открывал привезённый для раздачи горничным шоколад и расставлял бокалы. Из холодильника извлекался новый кокос с недопитым содержимым. Он нужен был больше для интерьера. Однажды мы выпили часть кокосового сока и налили внутрь ром, как это делали русские на пляже. Охладили, надеялись, что вечером станет лучше. Но осталось всё так же резко, борзо и тошнотворно. Потому главной звездой на столе оставалась бутылка из «дьюти-фри». Первые дни «Амарула», затем «Сандеман». Взрослой дочке давали попробовать ликёр, попытались объяснить разницу хорошего и плохого. Шоколад с засохшим белым хлебом и квадратиками острой пиццы оказался лучшей закуской. Втроём малень-

кими глотками и порциями доедали всё описанное. Смотрели китайские новости и удивлялись качеству картинки, обсуждали наряды телеведущих, возвращение двубортных пиджаков. Идеальные точёные лица и строгая одежда в сочетании с политико-военными сюжетами создавали напускную торжественность и приятны были высоким профессионализмом команды новостного канала. Мы не понимали ни слова, ни бегущей строки, но зачарованно следили за повествованием, иногда позволяя себе шутки, фантазируя о чём идёт речь. Чаще всего шутили про аннексию Тайваня боевыми роботами. Пришлось рассказать дочке кое-что из истории не только напитков, но и Юго-Восточной Азии. Иногда пробегали пультом по всему эфиру. Натыкались на красно-чёрное поле эфира с Соловьёвым. После испаноязычных каналов о трудностях ковидного времени, протестах индейцев Боливии против нефтепровода было сложно перестроиться на русский сюжет. Он отталкивал и было неясно отчего столько ненависти в комментариях гостей Соловьёва и откуда столько командного тона, столько крика и серьёзности. Люди были страшные, как из хосписа, больные, кто лицом, кто речью. В Москве было около 4 утра, вот оказывается, что транслируют ночью. Так или иначе возвращались к китайцам. Они вели уроки языка для кубинцев, переводили на испанский фразы про пандемию. Дворец съездов и крейсера, боевые дроны и бескрайние рисовые поля, всё на их канале было красивым, новым и не вызывало сомнений в

первенстве Китая. Даже репортаж о потопе и прорыве дамбы был у них торжественным и образцовым. Люди тонули грамотно и вода героически врывается в посёлки. В середине отдыха был один альтернативный вечер. Случайно включили бой боксёров тяжеловесов. Один – ирландский цыган, второй – американский африканец. Оба выше двух метров и харизматичные как вожди революции. Бой шёл с частыми падениями, нокдаунами, счётом судьи с показыванием пальцев лежащим боксёрам, постоянными атаками и завершился нокаутом. Цыган, что полюбился нам больше, победил. Позже я почитал про бой и узнал, что Фьюри есть величайший и чудаковатый чемпион, и нам очень повезло видеть это шоу из Лас-Вегаса в прямом эфире. Не ведающие, кто да что, мы искренне болели и радовались великанским ударам. Этот бой чуть было не изменил наш распорядок позднего вечера. В следующий раз мы снова нашли поединок. Но тот был неярким, усталым, не шёл в сравнение с чемпионским боем. Так что вернулись к Китаю, шоколаду и маленьким глоткам портвейна.

Дыра в паутине

Предупреждённые ещё на tophotels, мы были готовы к дефициту интернета в Варадеро. Закачали себе офф-лайн игры, музыки, аудиокниги. В тайне я был очень доволен, что произойдёт такой невозможный для меня детокс, не будет возможности постоянно торчать в телефоне. Опасался, что одной силы воли на отпуск не хватит, нужны дополнительные преграды от партии и правительства острова. На месте оказалось, что интернет по карточкам не такой уж дефицитный. Невнимательно прочитав в первый день условия, я был уверен, что по заветному квиточку с шифром каждому положено по 10 часов пребывания в сети за две недели. Я уже собирался подарить свой пароль дочери. На вторые сутки мы разобрались, что речь про 10 часов в день. Каждый день. И снова детоксикация отдалилась. Удержаться и не войти в мессенджеры по пути в ресторан я не мог. Интернет не ловил в нашем домике, на территории, на дорогах и в городке, но сразу же настигал вибрацией телефона в районе главного корпуса, в барах и столовых, иногда и на пляже. У жены и дочери ломка тоже не заставила долго ждать. После обеда и гигиенических процедур в домике связанных с профилактикой солнечных ожогов мы начали искать повод выйти и направится в сторону большого зала в зоне ресепшн отеля. Дочь быстро смекнула, что после обеда это единственное

место, где есть хороший кофе и пина колада. Именно этим мы и стали объяснять своё возвращение в центр отеля, посидеть с кофе, когда с океаном и солнцем уже завершили, а до ужина очень далеко. Поначалу дочь ходила одна, через неделю стали ходить втроём. Последним шансом не вернуться в оковы сети стал внезапный сбой мессенджеров. Нельзя было позвонить родителям привычным способом, умолкли рабочие чаты. Радость была недолгой, это оказался мировой сбой Фейсбука и подчинённых ему сервисов. К утру следующего дня всё наладили. В местных новостях сказали, что в мире в этот странный день к Телеграмм присоединилось 70 млн пользователей. Вот бы в богатых странах на сутки также заканчивалась еда или пресная вода чтобы понять ценность давно привычных вещей. Или в России так исчезали новостные программы и ток-шоу. Я принципиально не отвечал на рабочие письма, в конце концов у меня была отбивка про плановый отпуск. Но вот полностью избежать лазания-серфинга и просмотра медицинских и культурных новостей я не смог. Бросил бороться с собой и читал на пляже. В дорогу назад накачал аудиокниг. Затем пошло чтиво про мусорную реформу, про кубинские вакцины от коронавируса, интернет взял своё и даже больше обычного как компенсацию за паузу первых дней и косяки Цукерберга. Передача фотографий родителям, звонки возобновились и к концу отдыха не осталось и намёка на ограниченность нас от мира.

Колин Фаррел и другие

Вечера в главном корпусе вначале мы игнорировали. Следили после ужина за приготовлениями дискотеки и полагали, что на эту порнографию мы не пойдём. К тому же началась она очень поздно, проходила на улице. Как и теннисный корт, это осталась за границами нашего отдыха. Но скука и релакс подталкивали нас посмотреть, что ещё есть после ужина кроме китайских новостей с ликёром. В лобби отеля ежедневно проходил концерт живой музыки и он оказался настоящей находкой. В расслабленном кубинском ритме, в каком и надо жить жизнь под пальмами у океана, пара музыкантов готовилась к выступлению. Вероятно, они обходили все отели по очереди, поскольку почти каждый день были новые артисты. Артисты знали всех в отеле, их знали все работники. Сто раз поправив стул или стойку микрофона без особого приветствия певец начинал шоу. Совершенно неожиданно для проходящих мимо с кофе и бокалами, либо просто в туалет, раздавался божественный голос какой-нибудь знакомой песни. Кавер-версия или что-то местное, но неизменно высокого качества. Большинство туристов садилось в глубокие кресла лобби-пространства и обалдело смотрело на артиста, особенно вновь прибывшие. Музыка лилась из простых колонок, за пультом был какой-то отельный парниша, но сами исполнители была высококласными. Даже полубу-

хие отцы семейств и молодёжь-инстаграммщики, замирали перед мини-сценой. Жене особенно полюбился пританцовывающий мужчина-певец напоминающий актёра Колина Фаррела. Исполняя на нескольких языках, он создавал атмосферу праздника и многие из песен были знакомы по радиостанциям «Шоколад», «Монте-Карло», всё премило наполняло отдых после ужина культурой. Мы тоже замирали на полчаса на краешках дивана или стояли у колонн не решаясь выйти в первый ряд. Одинокие пары могли танцевать. Непринуждённость и будничность такого качественного исполнения снова и снова говорила, что мы в каком-то раю. Иногда приходила негритянская бабуля, которую я про себя прозвал бабушкой блюза. Она сидела своей шарообразной фигурой на тоненьком стуле и выводила такие арии, что российская ресторанная попса должна была идти в магазин за верёвкой и мылом. На голове дивы был свёрток из платков, цветов и волос с вавилонскую башню. Серьги и бусы весили килограммы, браслеты громыхали, сползая по предплечью. Всё до самой мелкой мелочи было интересно и необходимо. Бабушка джаза уходила в соул и проживала песней судьбы всех счастливых и несчастных этого мира. Бывали и более танцевальные вечера с хитами почти без личной обработки. Но всегда это было на высоком уровне. Задержавшись на таких концертах более обычного я начинал возвращаться в реальность и после первого впечатления снова замечал раздражители, что на время скрылись музыкой. Все эти дети, лезущие на сцену

и мешающие артисту. Мамаши, совершенно не торопящиеся забирать их оттуда. Бабули в халатах несущие мимо тарелки с едой из ресторана в количестве достаточном для небольшой свадьбы. Отдельный мальчик носящийся по холлу среди толстых и неаккуратных людей на самокате. К сожалению, ни разу так и не упавший с высокой мраморной лестницы вниз к холлу ресторана. Всякий раз в последнюю секунду ему удавалось удержаться. Его папаша, ржущий над этим чудесным спасением. Эти громко разговаривающие проходящие мимо музыканта туристы. Эти снимающие весь концерт на огромные планшеты, как будто когда-либо будут его пересматривать. Уходили мы всегда немного раньше, чтобы не успеть засорить музыку всем этим. Ни разу не довелось застать прощание артиста. Обсуждая концерты, мы сошлись на том, что даже купили бы записи этих конкретных людей, если бы они их продавали. Выходили мы из музыкального салона в ночь Кубы, к огромным звёздам под председательством Ориона, шли до домика с вращающимися в голове виниловыми пластинками красивых песен.

Пищевые привычки

Пребывание на отдыхе пошатнуло привычные вещи. Почти две недели мы питались не так, как привыкли и поначалу это вызвало лёгкое смущение. Всё включено не включало почти никаких овощей, салатов, сладостей типа тортиков и пирожных. Множество продуктов были сделаны из единственного фрукта – гуаява – соки, мороженое, гарнир. Ввиду конца осени не было манго. Картошка напоминала сладкие бананы, а бананы были на вкус как плохая картошка. Дефицитом была выпечка, всякая газировка. Ни разу не видел яблока и продукта из него. Как позже узнал, яблоко есть самый экзотический предмет для Кубы. Может служить отличным подарком для местных. Первый и даже второй поход в ресторан за рутинным завтраком-обедом сбил с толку и росло волнение о том, что кушать нечего. Однако у меня, а особенно у дочки и супруги, хватило сил протереть глаза и осознать, что нет здесь всего того отчего мы и хотели избавиться в жизни. Мы просто в силу дикости своей ищем фри и «Наполеон» в упор не наблюдая рыбу-гриль, креветки, мидии, кальмаров, нежную свинину с удивительным и так отличным от российской версии авокадо, риса и многого прочего. Я потряс головой стоя среди столов. Да что же это я. Мечтал избавиться от углеводов и вдруг растерялся. Больше это не повторялось. Если завтрак ещё мог пройти под диктат

блинчиков с мёдом, то обед и ужин были полностью с морскими продуктами. При тебе приготовленные кусочки филе местных рыб, варёные и обжаренные креветки, возможность поболтать с поваром пока всё это шкварчит и шипит, вся эта океанская красота на огромных тарелках, всё так и манило прийти в ресторан к его открытию. Всё ещё пустые залы в сочетании с выбором дорогих для нас блюд под латинскую музыку стали важной частью отдыха. За ужином на ресторан опускалась тишина. Перед каждым стояла гора креветок. Были заняты обе руки чтобы сидеть в телефоне и рот чтобы разговаривать с ближним. Гора креветок сменялась постепенно горой их шкурок и цикл мог повториться. Официанты запоминали нас, зная кому к креветкам пиво, а кому вино. Повара, иногда опаздывая с приготовлением объявляли красный уровень опасности. Тогда откуда-то из задней непубличной кухни выезжала экстренная тележка с уже варёными креветками чтобы турист не впал в истерику и ломка от недостатка креветок в организме не обернулась конвульсиями. Ах, какие там были кальмары, мидии. Без соусов, без гарнира. Просто чистый друг океан. День за днём мы учились добавлять лайм или необычный местный рис, ждать обжарки с солью или закусывать оливками. Мы учились кушать по-новому, в очень богатом варианте этого нового, в очень здоровой атмосфере моря. Несколько дней прошло и наша семья уже с иронией ловила лица новеньких которых кривило от того, что они не нашли макароны и картофель, что по-

мидорно-огуречный салат не родился на этом острове. Навивные, если ваша воля сильна, то уже к вечеру вы всё поймёте. Если вы рабы углеводов и печенья, то жаль вас, приехавших на Кубу вместо Турции. К забавным моментам мы стали относить недостатки. Негативное полностью перевели в забавное поскольку всё компенсировал океан и его дары. Например, кофе, как бы его не приготовили, оказывался ристретто. Мы исправляли его привкус одновременным запиванием горячего кофе холодной пина коладой. Я имею ввиду безалкогольной конечно же. Цвета соков из местной экзотической флоры были несколько отталкивающими. Бледные, ненасыщенные, напоминали они цвета не ассоциирующиеся с соком. Коричневый, розовый, фиолетовый, светло-зелёный. Оказалось, что вкус совершенно не соответствует предвидению по цвету. Невозможно было угадать и это удивление несколько отталкивало. Особенно когда я случайно выпил сок огурца. У меня теперь много вопросов к ЗОЖникам и их религии. Вездесущая гуаява могла дать любой цвет напиток. Исследователем здесь выступила дочка, взрослые всё же вернулись к воде, кофе, пиву и вину. Шампанское напомнило нам об отказе от газировки и оттого стало невкусным. Избалованные океаном снаружи и изнутри мы были счастливы посещать все рестораны отеля, зная какая рыбная радость нас ожидает. Рестораны а-ля карт оказались безлимитными и отличались только лучшими скатертями, обслуживанием и красотой сервировки. Блюда были вкусными, но так как

вкусным стало всё вокруг, то минимальные улучшения растворились. Пройдя всю цепочку а-ля карт мы всё-таки вернулись к своим горкам креветок, аравам кальмаров и стадам рыбы в простой ресторан под высокой крышей из пальм. Музыка, напоминающая группу «Buena vista social club», редкие мои попытки говорить на испанском, простое пиво. Ничто не могло испортить наш аппетит. Две недели здорового питания с изоляцией от соблазна его нарушить. Хотя мы находили пациентов, приходящих со своим соком в пакете, купленном в магазине, также как и недовольных толстых детей несущих картофель-фри а ж с пляжа чтобы съесть его в ресторане. Эти несовершенства были как вьетнамские мультики, забавные и из другого мира.

Садовник и океан

Я не читал «Старик и море», но отчего-то сразу вспомнил о книге, когда впервые столкнулся с Садовником. Мы с женой привычно заняли места под отдалёнными навесами без признаков туристов радиусом 50 метров. Расположились заняв столько места, что в Крыму это назвали бы отдельным пляжем при санатории. После нескольких заходов в воду и поиска крабьих нор, следуя по их следам я заметил спокойно сидящего местного мужчину. Он был в отдалении от прочих местных, работников пляжа, аниматоров, официантов, садовников, он, как и мы сидел на своём собственном пятачке и смотрел на океан. Одежда выдавала в нём садовника. Широкополая изношенная шляпа из соломы, что-то бесцветно-коричневое типа футболки с длинными рукавами, грубые тёмные штаны и некрасивая обувь с толстой подошвой. Пожилой, но крепкий на вид мужчина обращал на себя внимание прежде всего тем, что не работал и был далеко от «своих». Через некоторое время он принёс кокосы, но в отличие от его коллег не ходил и не рекламировал их туристам, а тихонько продолжал сидеть в тени на лежаке, которых на пляже было огромное количество. Я решил подойти и поговорить, купить кокос. Садовник охотно откликнулся, но вёл себя необычно по сравнению с прочими кубинцами. Он не продавал кокосы, а просто отдавал их. Умело обра-

щаяся с большим мачете проводил кокосу «предпродажную подготовку» и вручал мне. Понятно, что брал он их бесплатно в той зелёной полосе, что отделяла домики от пляжа. И я мог бы взять, будь у меня обувь, подходящая пройти там между колючек и камней вперемежку с сухими ветками. Но мачете всё же вряд ли раздобыл бы. Я поблагодарил и заплатил, как мне представлялось из чатов и отзывов, адекватный 1 евро. Бизнес свой садовник вёл так, странно и ежедневно. Просто сидел и ждал пока к нему подойдут самые наблюдательные туристы и брал то, что они принесут в обмен на орех. Не говорил цену, не ходил по песку до людей. Два-три кокоса и мачете всегда были при нём. Интересное начиналось после продажи этих нескольких штук примерно в районе 11 утра. Мужчина уходил в «зелёнку», там переодевался и возвращался на пляж загорелым мускулистым лысым в ярких жёлтых трусах. Его легко было принять за туриста. Он вытаскивал лежак из тени, загорал и активно купался, далеко по прямой заплывая в сторону Майями. Когда по пляжу периодически проходил менеджер в белой рубашке, садовник ложился на лежак и накрывал лицо своей соломенной шляпой. Она теперь смотрелась на нём не как атрибут сельского жителя, а как дорогой сувенир туриста. Менеджер тихо гонял от пальм рассеявшихся работников, будил сторожа соседнего закрытого отеля, ругался на тех, кто продаёт втихую кокосы, проверял спасателей, сгонял на работу засидевшихся, но ни разу не обратил он внимание на мужчину в жёлтых

длинных трусах, что радовался жизни под солнцем. Садовник затем завершал свой отдых и около 13 часов исчезал. Я стал ещё внимательнее за ним наблюдать и однажды эпизод с покупкой кокоса сблизил нас больше. У меня не осталось монет по 1-2 евро и я отдал ему купюру в пять. После этого мужчина забрал у меня из рук уже полученный кокос и ушёл в сторону пальм. Вернулся минут через двадцать, я успел нафантазировать многое, с самым большим кокосом, что я видел в жизни. Мы фотографировались с ним весь день, и жена, и дочь были счастливы. С того дня садовник стал приносить дочке кокосы просто так, бесплатно, оказываясь возле нас, когда я уплывал и не мог соответственно его отблагодарить. Я стал находить его в тот час, когда он играл в туриста по-прежнему игнорируя всех своих соплеменников. Мы разговорились. Садовник вблизи выглядел ещё более спортивным. Оказалось, что он военный на пенсии, подрабатывает с утра и до 11 в отеле, затем в 13 у него автобус в один из близлежащих городков. Кокосовый бизнес приносит ему больше, чем зарплата садовника. Дети где-то пристроены, жена дома, мать недавно умерла. Его испанский впервые поставил меня на место на Кубе. До этого меня понимали все и я мог конструировать долгие фразы, понемногу участвовать в диалогах. Язык садовника был именно кубинским, а не кастильским. Всё то, о чём я читал про диалект перед поездкой обрушилось на меня из его уст. Я почти его не понимал и очень оттого расстраивался. Неспешные истории его, по-

яснения, рисование палкой на песке, как мне казалось, куда важнее, чем всё о чём говорят официанты, повара и люди ресепшн. Редукция «с», священной испанской буквы, убила наповал. Даже Москва у него была «Моку». Честно говоря, только числительные у него выходили похожими на тот испанский, что поселился у меня. Кубинский диалект не встретился мне более нигде, но появился у самого интересного человека острова. Его взгляд в даль волн, что-то про нежелание жить в Майями, про наркотики в тамошних школах, про участие в войне в Никарагуа, про дочь на фабрике игрушек. Мне приходилось додумывать. Этот старик-атлет мало спрашивал, просто чем-то делился со мной. Подмечал простые вещи, вроде того, что мне нравится больше плавать, чем загорать. У него был простой красивый день. И мне повезло наблюдать за этим. Рано утром он мёл бетонные дорожки огромной сухой веткой пальмы, держал её одной рукой и махал с большой амплитудой. Затем он что-то резал в густых посадках, потом приносил трёхлитровые кокосы и ждал гостей. Переодевался и отдыхал как всамделишный немец или канадец, кролем уплывал к горизонту. Объяснял мне что-то про жизнь и уезжал на автобусе до завтра. По выходным не работал. Иногда мы просто сидели рядом. Я уставал от того, что он меня плохо понимает и только слушал, догадывался о сути его рассказа. За всё время я не видел, чтобы он разговаривал с кем-то кроме меня. Он ни разу не попался менеджеру в белой рубашке и двух масках на лице. При мне муж-

чина никогда не пил, не ел и не держал денег, не носил маску. Не простились. Садовник остался с океаном, может быть встретил нового слушателя. Мне остаётся вспоминать простые вещи, что он говорил. Про то, что на Кубе нет ядовитых змей и насекомых, про хорошую погоду, далёкую Моку.

Пляжные дела

Сокровище Кубы и в частности Варадеро это пляж. Утром одним из любимых занятий было ленивое хождение вдоль полосы прибоя. Вернее, никакого сильного прибоя там нет, просто полоса, где прозрачная вода касается чистого песка. Можно идти полчаса и не наткнуться на человека или замок из песка, продолжать движение пока не надоест. Ничто может не привлечь внимания. Рыбы очень мало. Рано утром её пугают местные рыбаки с оригинальным способом ловли. С берега они опытным взглядом как-то видят маленькие скопления рыб и сильно бросают в их сторону сеть на верёвке. Сеть с грузами обволакивает рыбёшек и на выходе даёт кидавшему несколько штук похожих на салаку или сардину. Как вообще можно что-то поймать таким простым образом мне неясно. Но до восьми утра мы встречали по два-три таких рыбака. В ведрах у них бывало по несколько десятков рыбёх. Так вот, ничто не отвлекает от ходьбы босиком по тёплой воде. Кроме потрясающих ракушек. На самой линии прибоя, после ночи, имеется огромное число небольших плоских округлых ракушек с ребристой или гладкой поверхностью. Отличный сувенир. Но в самой воде, из песка торчат более значительные сокровища. Можно зайти чуть глубже, по колено, внимательно посмотреть под ноги и обнаружить, что там есть крупные спиральные раковины от оранжевого

до почти алого света. Они целые, без обитателя внутри и покрыты блестящим лаком, глазурью, на ощупь напоминающую финифть. Раковины примерно одного размера, кулак взрослого человека не может полностью скрыть раковину. Они красивые до степени купил бы на базаре, если бы встретил. Охряные, рыжие, цвета кирпича, отдельные светлые, так и просятся в коллекцию сувениров с Кубы. Лежат они не таким плотным слоем, как округлые на берегу. За ними нужно ходить и быть на чеку. После десяти утра всех их уже находят и уносят туристы, потому что мимо пройти нереально. На них можно наступить нечаянно, заходя в воду, но всякий их тут же прибирает к рукам. Что делали и мы. Наша прелесть. Подбор ракушек стал ежедневной частью пляжных дел в первой половине между завтраком в ресторане и вторым завтраком на пляже. На лежаке наше семейство обменивалось ракушками, обстоятельствами их находки, сортировала и оставляла для транспортировки домой только самые целые крупные и красивые. Или ракушки нового типа, что ещё не попадались. Все другие аккуратно были сложены рядом с лежаками и радовали глаз весь отпуск. На пляже была возможность взять лодку с парусом и катамаран. Второй вариант очень повеселил моих. Они уплыли далеко и вернулись ко мне на мелководье чтобы поснимать друг друга и упасть в воду с судна. Вода была такой спокойной, что лёгкий катамаран развивал большую скорость. За купленный час мои девушки объехали весь видимый пляж и казалось могли пройти пол-

пути до США. В такой воде немудрено, что многие кубинцы переплывали океан во Флориду на подручных средствах. Езда под парусом осуществлялась с помощью пляжного инструктора. Всё оказалось совсем недорогим. Оплачивая за границей, я всегда сначала думаю, я сколько бы мне не жалко было за эту вещь или услугу дома, в России. Час катамарана по изумительной воде, с возможностью нырять и загорать, нового и лёгкого велосипеда на море, дал был я 1000 рублей? Да, конечно. А тут даже меньше. Такой подход позволяет не экономить на пустом месте и всегда быть адекватным. Такси на кабриолете 1956 года выпуска по берегу, с ветерком, полчаса до курортного городка с фотографиями и шутками, с возможностью выбрать кабриолет среди нескольких, сколько бы я заплатил дома? А тут 5 долларов или евро. Поехали немедленно! Пляж был до того сокровищем, что даже мусор, редкий, но всё же имевшийся, вызывал любопытство. Это были, например, окурки сигар. Я обработал одну, очистил и раскрутил чтобы показать дочке из чего делаются сигары. Что такое табачный лист и как он пахнет, резко и очень запоминающимся образом. Супруга нашла пляжные солнечные очки «Дольче Габана», судя по всему оригинальные. Немного покрытые морским налётом и ржавчиной, память о чьём-то отпуске. Дважды она нашла местные монеты. Когда становилось скучно, мы отправлялись гулять до соседнего закрытого отеля. Каждый раз вспоминали наш опыт в Тунисе. Несколько лет назад также гуляли от нашего пляжа влево в

соседний, там заброшенный, отель. Обнаружили огромные трупы морских черепах, взяли на память череп одной из них. Упавшие пальмы, разбитые бассейны, заколоченные двери и окна корпусов, сложенные до второго этажа лестницы из кроватей и матрасов. В Варадеро такой дичи нет, но пандемия прикрыла половину отелей, слева и справа от нашего была тишина и ни одного огня вечером. Разведка показала, что отель по пляжу слева меньше и скромнее нашего и заселён огромными страшными крабами. Они имели туловище плоское чтобы протискиваться меж камней. Жили колониями и совсем не хотелось ловить их за панцирь в отличие от «наших» пляжных почти прозрачных малышей. Мы как будто из младшей школы случайно ошиблись кабинетом и зашли к старшеклассникам. Брожение наше по чужому отелю и пляжу оставляло равнодушным спящего в пальмовом домике охранника, до него человек в белой рубашке не доходил. Вскоре все отдыхающие стали ходить нашей тропой и делать фото на фоне расщелин скал, гротов и крабов-мутантов. Возможность лишней раз сменить обстановку, особенно зайти с воды в пещеру или поснимать видео как крабы меряются клешнями, делало наш пляжный отдых познавательным путешествием с Н.Н. Дроздовым. Не всегда мы гуляли под солнцем втроём. Я не напрягал дочку следовать стопами отцов. Часто мы занимались совершенно разными делами на этом пустом и только нашем пяточке суши. Однажды в такой час я в одиночестве проходил через группу ча-

ек, что с криками расступались, но улетали недалеко. Они ждали открытия в 11 кафе на пляже. Проходя увидел чайку без одной лапки, ампутированной ниже колена. Она стояла на единственной, а травмированная часто двигалась, дёргалась, что вызвало у меня чувство жалости. Хорошо, что жена не видела, расстроилась бы ещё больше, пошла бы за едой для неё. Травмированная птица не выглядела меньше, хуже, чем соплеменники, но всё же выделялась и не попевала за беготнёй по пляжу. Хорошо, что они ещё и плавают, и летают, не должна пропасть. Кто мог в этом чудесном краю откусить ей лапку?

Маленькая страна

Перемещение между провинциями закрыто из-за пандемии. Остров Варадеро стал для нас единственным местом, где мы видели Кубу не считая аэропорта. Немногим больше, чем 20 на 1 километр Варадеро и стал нашим островом свободы. Больше свободы мы не увидели. Первая поездка в городок состоялась осторожно и по богатому. Мы подошли накануне к шикарным кабриолетам дореволюционной постройки, что паслись около входа в отель. Вынырнул главный пацанчик и объяснил, что на этом чуде из фильмов про Аль Капоне нас отвезут в городок, привезут назад, а по пути останутся в самых видовых местах, всё расскажут и дадут фотографироваться как пожелаем. Договорились и утром поехали. Выбрали розовый «Форд», кабриолет с таким широким салоном, что до сидящего рядом пассажира нужно тянуться рукой. Водитель в бандане, маске и солнечных очках стал похож на пирата или даже на человека-невидимку, что максимально оделся для видимости окружающим. Мы нарядились по-туристически, гавайские рубашки, соломенные шляпки, белые шорты. Автомобиль старше моих родителей очень резво, на какой-то единственной передаче, как карт, повёз нас по шоссе. Слева был океан, справа отели у океана. Узенький и искусственный рай не мог иметь иного транспорта кроме этих переместившихся во времени американских

символов роскоши 50-х годов. На почти пустой дороге нас обогнал только старенький автобус, «УАЗик» и плелись бортовые машины с сельхоз работниками. Все встречные такие же старинные чудо-кары, «Бьюики», «Шевроле», «Олдсмобили» обменивались взмахом руки и соревновались красотой мелодий клаксонов. Каждая была как песня, встать идеально отреставрированным машинам. Водитель останавливался у немногочисленных достопримечательностей, на пустых площадках перед ними, неизменно паркуясь правильно даже там, где не было никого. Нас фотографировали во всех позах внутри и снаружи розового монстра. Но всё же не позволяли рулить и ехать, закрывали за нами толстые тяжёлые двери со всех сторон, чтобы не хлопнули случайно. Мы чувствовали себя внутри яйца Фаберже. Всё было именно так красиво и несообразно окружающим видам рабочих в старой синей одежде, пустых отелей, ресторанов без посетителей. В одно такое место зарулили ради фото со скульптурой Дон Кихота и там, нас умоляли остаться на лобстера и на что угодно. Гостей не было, что отталкивало. Мы не могли отпустить водителя, ресторан работал всего до 17 часов. Всё казалось пустым и странным. Пока катились до городка с 7000 жителей повстречали десятки уникальных авто, устали фотографировать и поняли, что всё здесь именно так как на фото в журналах о Гаване. Океан, пальмы, нет людей и блестящие машины из прошлого. Как рэп-звёзды мы неспешно проехали по параллельным улочкам Варадеро, осмотрели

редкие старинные деревянные дома, потусили у сувенирных базаров, загорели на заднем сидении. Дочка, конечно, была впереди и мы радовались, глядя на её счастливое лицо и то, как она придерживает свою вчера купленную соломенную шляпу рукой, когда ветер на скорости даёт нам остыть. Впечатление от улиц вполне предсказуемое, двухэтажные дома с закрытыми магазинами и кафе, местные в двойных масках, редкие работающие «дома рома» и «дома сигар» без посетителей. Угадывались пешеходные авеню, где жизнь, наверное, кипит после заката. Мы пообщались с очень радушными продавцами сувениров, но машина так и осталась главным впечатлением. По пути наш шофёр объехал лужу, единственную на острове, методом заезда на встречную полосу на пустой дороге на скорости может быть 30 км/час. Из ниоткуда появился полицейский на мотоцикле и у них был долгий разговор вне машины. Такое вялое преступление на туристическом транспорте не прошло даром. У полицейского медицинская маска была под забралом шлема. В такую жару это казалось невозможным. Само собой, мы, туристы, были без масок с момента выхода из аэропорта. Такое разделение по маскам и наше удобное положение на диване заднего сидения в нарядах и с водой в бутылочках делало нас представителями высшего класса. Нас не замечал даже полисмен. Прогулка прошла великолепно, вернулись к обеду. В следующий раз я уже не заморачивался с предварительной договорённостью, а просто выходил на пустую трассу и ждал минут

пять. Проезжающая машина достойная привезти Киркорова в Кремль или Гагарина по 5-ой Авеню останавливалась и за 5 евро увозила нас-троих в городок с музыкой, разговором и видео на телефон. Назад ехали уже на новой, специально выбирали разные модели, типы, закрытые салоны и так развлекаться можно было ежедневно. По городку бродили уже ногами, но ничего нового, кроме бедности, нелепых самодельных сувениров, бесконечного предложения поменять валюту мы не обнаружили. Повеселила церковь с яркими стенами и громкой музыкой, как в фильмах, где афроамериканцы поют хором в храме в воскресенье. Занятыми показались местные встречные, пьяные и весёлые, пытавшиеся с нами общаться на английском и выпрашивать деньги. Но в целом атмосфера отчуждённости, небогатства, закрытых дверей не могла развеяться редкими улыбающимися лицами. Накупили всякой чухни, но делали это от чистого сердца, не торговались и платили валютой. Мы были счастливыми и очень хорошими покупателями. Посещали городок днём и утром, наверное, потому не встречали туристов. Те ещё спали и сгоняли отёки перед вечерним набегом на улицы. Этого мы видеть не хотели, возвращались в наш домик, на пляж, к креслеткам и сильному кофе.

Чтение и слушание

На пляже наступает день и момент, когда хочется никуда не спешить, не плавать больше, чем необходимо и не пугать крабов своей слежкой за их норами. В руки сам собой ныряет телефон и начинается тупое познание начинки девайса. Так как интернет большую часть времени на пляже не присутствовал, то мне пришлось выбирать, что накачать в коробочку заранее. Что-то действительно мне интересное, чтобы не испортить пляжное время, а напротив стать лучше с этой возможностью лазать в телефоне. Один день я слушал музыку, но поймал себя на том, что та музыка, что любима мной в Москве, неплоха для самолёта, совсем не подходит для райского пляжа Варадеро. Какая музыка сюда нужна? Слишком долго я буду выбирать из океана песен, что мне доступны в Яндекс. Потому уже на второй день я обратился к книгам. Яркое солнце делает чтение работой переписчика средневековых манускриптов. Приходится занимать вынужденное положение в лежаке, щуриться, всматриваться, менять яркость телефона, чувствовать, как он нагревается в ладони. Всё логично шло к аудиокнигам, которые позволяли валяться в любой позе и не зависели от степени открытости глаз. Первой была «Роковые яйца» Булгакова. Изумительно озвученная, эта небольшая повесть мне очень хорошо легла и на отдых, и на мои представления о Булгакове. На-

конец-то сложился пазл «Дьяволиады» у меня в голове. Все эти учёные и доктора из книг автора, фантастические компоненты сюжета, трагические развязки, ошибки людей из прошлых книг вдруг встретились в голове с этой новой книгой и я как будто бы понял всего Булгакова. На какую-то пляжную секунду всё встало на места, эти профессора Преображенские, изобретатели и зоологи, вся эта ранняя советская мифология упаковалась во мне. Стёб и сарказм над советской жизнью, авторские приколы, всё встало передо мной ясно и по росту, будто я сам писал эти произведения и теперь объединил их в собрание сочинений. Недавняя моя поездка с друзьями в Высокое Новодугинского района в бывшее имение Шереметьевых с целью осмотреть остатки 19 строений этой знаменитой усадьбы, легла на чтение эпизода из «Роковых яиц», где именно в этом совхозе пытались вывести куриц лучом жизни. Воспоминания о том, как мы взбирались по руинам и проходили мимо того самого пруда с крокодилами, рассматривали герб на щите льва, вся прелесть дружбы и тех солнечных дней умножилась на мастерство Булгакова. Под солнцем Кубы было так приятно слушать хорошую книгу и понимать, что не только знаешь отлично прочие произведения, но даже лично исходил места, о которых написано, включая и Сычёвский, и Вяземский районы. Диктор в моих ушах, вероятно, очень подходил моменту потому что я огорчился, когда книга завершилась. На волне вдохновения Булгаковым в домике я начал перечитывать «Мастер и Марга-

риту» уже в текстовом формате книжного приложения. Нашёл, что прекрасно помню первую половину книги, будто я читал её несколько раз. Но вот с момента подготовки к балу и до конца, книгу я подзабыл и с удовольствием вчитывался в смыслы. Удовольствие получил большое и даже пропустил поход за кофе с пина коладой. Просто лежал и читал. Обнаружил несоответствия в сюжете или вернее сказать явные места, где должно быть по-другому. Это место, где убивают Маргариту и второе, очевидно же, что Москва должна была быть сожжена вслед за несколькими последовательными пожарами на квартирах, в ресторане. Полез читать критическую литературу и подтвердил там свои мысли. Действительно эти и другие моменты в концовке считаются упущенными либо были автором переписаны. Мне стало приятно оттого, что я так всё подметил, самооценка выросла. Но Булгаков хорош. Он смог меня отвлечь от океана и прелестной кухни, от гаванских мелодий и буйной растительности. Я провалился на часы в книги, забыл обо всём. Но я вернулся к тому, чтобы отдыхал не только разум, но и тело. Вновь погрузился в тёплые воды, подставил кожу солнцу. Позднее прочёл ещё несколько книг, современных, журналистских исследований. Делал это уже неспешно, в перерывах между пляжем и ужином или перед сном. Не противопоставлял чтение загару и плаванию, общению с местными. Всему своё время.

Местные люди

Хочется привозить из путешествий воспоминания не о камнях, а о людях. Мы с семьёй любим подмечать интересных типов, не занимаемся человекометрией, а просто наблюдаем чужих не осуждая. Кубинцы предстали перед нами в неестественной среде курортного острова, так что некорректно переносить выводы на всех. Буду просто перечислять свои впечатления без обобщений. Утром первыми встречаются садовники. К туристам они не подходят, не здороваются, оттого и обязательных для всех прочих масок не носят. Это молодые люди в некрасивых рабочих комбинезонах, выполняющие очень понятную работу. Они обрезают сухие листья и ветки, подметают, убирают упавшие кокосы. В руках у них всегда что-то есть: мачете, метла, мешок. Начинают работу не слишком рано в отличие от египетских или турецких собратьев на курортах. Вид утренних садовников грустный, они не улыбаются и в сочетании с их страшными чёрными ботинками или резиновыми сапогами, синими робами, растянутыми карманами комбинезонов напоминают персонажей книги «Гроздь гнева». Местные люди имеют все оттенки кожи, от цвета бумаги до угля. От латте до американо. Персонал не здоровается, если это не входит в их обязанности. Нет здесь раболепия перед туристом. Более того, в ресторане, если идёшь с едой, проходящий навстречу

официант не уступает гостю дорогу. Это может привести к столкновению. Излишняя услужливость не наблюдается даже там, где она очевидно ожидается. Это накладывается на дефицит вежливости у российского туриста и вместе всё становится похоже на школьную столовую. Чтобы избежать этого, я так можно скорее перехожу к активному диалогу. Сам первый приветствую и пытаюсь на испанском объяснить, что ищу, что нужно. Путаю слова «ложка» и «нож», атмосфера согревается. Меня запоминают в ресторане, который снова перестаёт быть столовой с невежливыми школьниками. Работники ресепшн с заученными чёткими английскими фразами неохотно переключаются на испанский, слом программы. Они отделены пластиковыми шторами, масками, экранами, их плохо слышно и обращаться повторно не хочется. Гиды, яркие и шумные, русскоговорящие, сами подходят, интересуются проблемами, радуются за нас. Пара человек владеет русским превосходно, так что одну я принял за соотечественницу. Нас с женой опрашивают в лобби, в обстановке кофепития. Нас всё устраивает, жалуемся только, что все туристы из России. Гид делает вид, что понимает о чём мы. Работники пляжной кухни приветливы, но все какие-то усталые. Искренне утомлённые, то ли работой, то ли жарой. Смотрят на голых белых людей иногда недобро. Но выполняют все капризы. И чистый ром без льда, и тройное мороженое. Женщины в ресторанах, что помогают накладывать еду ещё угрюмее мужчин на пляже. Если смотреть им в гла-

за, может показаться, что я забираю их личную еду. Женщины эти кладут на тарелку мне меньшие порции и совсем не хотят поддержать мой испанский. Мужчины на той же позиции не жалеют мяса и рыбы, часто болтают. Столкнувшись пару раз с недобрыми, как мне показалось, взглядами я начал подходить только к определённым поварам и официантам. В итоге каждый поход в ресторан, каждый подход к еде, а их я делал два-три, сопровождался у меня короткой беседой либо просьбой с моей стороны. Я чувствовал себя интегрированным в общество. Дошло до обсуждения болезней, у многих накладывающих пожилых мужчин артроз кистей. Дошло и до детей. У кого сколько, а вот кстати и моя самая любимая дочь на свете. Официант-с-пляжа страдал от мочекаменной болезни, учил меня пользе огуречной воды. Официант-обеденный рассказывал про диклофенак и ревматоидный артрит. В эти моменты они не были для меня официантами, вроде как соседи или старые пациенты. Надеюсь и я был для них тогда не жрущий и пьющий, а скажем приятный незнакомец. Официанты-в-баре, где мы пили кофе, каждый раз ждали заказа рома или коктейля и чаевых, но мы всегда брали кофе и пина коладу. Ни разу алкоголь. К нам моментально теряли интерес. Во время нашей вылазки в местный торговый центр, что поразил нас пустотой продовольственных полок, встреченные люди тоже были невеселы. Женщины в бутиках уткнулись в смартфоны, громко болтали с соседками, не выказывали чудеса гостеприимства.

Женщины на кассах и вовсе были с опущенными уголками рта, не могли объяснить почему на ценнике одна цена, наличкой вторая, а картой третья, с различием иногда в 2 раза. После жизнерадостных таксистов, аниматоров, эти люди были точно как совковые тётки из овощного отдела, которых так любят показывать в старых фильмах про дефицит. В одном всё было похожем, все неукоснительно носили маски. Мне казалось, что они боятся не штрафов, а нас. Хотя Куба по степени привитости населения обогнала Россию в три раза. При том их программа включает трёхкратную вакцинацию. Столкнувшись со сложностями оплаты картой, высокой ценой на простые товары, озадаченностью людей, очередью из местных на обмен валюты мы были раздосадованы и вернулись в свой рай отеля. Обращали внимание всегда и на то, что большинство работников было за 35-40 лет. Совсем молодой молодёжи среди казалось бы молодёжных позиций уборщиков и официантов не встретили. Это тоже придавало оттенок. Не было приколистов и хохочущих, все степенно выполняли труд, не делая ничего сверх меры. Редкую молодёжь мы провожали взглядами, отмечая всё те же страшные толстые чёрные ботинки и такое богатое разнообразие оттенков кожи.

Птицы-динозавры

Пляж не только место неги и водных процедур, это ещё и витрина животных и человек. Про людей позже, а вот животный мир пляжа требует описания. Это была одна из целей нашего семейного путешествия – увидеть новых друзей, под которыми мы понимаем фауну. Птицы пляжа на Варадеро ритмично распределены в течение дня. Рано утром нет почти никого, как и люди, они лениво спят и не приходят на песок раньше солнца. И только когда весь океан уже освещён, облака ушли и начинается солнцепёк, прилетают первые крылатые кубинцы. Это чёрные худые длинноногие птички представляющие среднее между нашим дроздом-рябинником и галкой. От дрозда их отличает иссиня-чёрный окрас и длинный клюв, остальное абсолютно так же. Живой интерес ко всему, активность, постоянное перебегание с места на место. У птиц первого года почти нет хвоста или он короткий, у птиц постарше хвост длинный и помогает делать фигуры пилотажа. Половой диморфизм отсутствует, самочек от самцов не отличить, в целом по большинству параметров, чёрных птичек можно было бы назвать кубинскими дроздами. Они чуть крупнее и не так часто орут, однако сходство сильное. Местные представили их нам как «тоди», интернет как антильского чёрного дрозда. Есть нюансы, но после чтения пары сайтов мы стали называть их граклы, что неверо-

ятно им подходит. Типичные граклы окружали наши лежаки с девяти утра, сначала по одному-два, затем и по пять птичек. Переговаривались, переругивались, подбирали вчерашний мусор, весьма бесцеремонно ковыряли всё вокруг и не боялись держать с нами маленькую дистанцию. Иногда даже садились прямо на лежак, на одежду, у дочки есть фотографии, где она сидит в сложенном лежаке, а гракл сидит за ней наверху спинки. Эти птички оставались с нами до конца пребывания на пляже, кучковались после десяти ближе к кухне и жаровне, где кормили голодных жирных детей картошкой фри и готовили рыбу в 12 для их родителей. Граклы создавали фоновый шум природы перекрикиваясь и соперничая за остатки еды. Самые смелые брали корм из рук, но убежали подальше, как только схватят что-либо. Вне пляжа чёрных птичек было немного. Мы полностью привыкли к ним и зная повадки дроздов в России, очень их понимали. Вторыми прилетали воробьи, кажется исключительно чтобы побороться с граклами за еду с 10 до 11 в районе бара на пляже. Воробьи были самыми обыкновенными для нас на вид, может быть чуточку худее. Как будто подшёрстка у них не было в эту жару. С антильскими дроздами конкурировать у них получалось плохо. Только проворство было на стороне воробья, смелостью, размером, клювом, количеством, всем воробей уступал чёрным граклам. Позже мы видели также вполне российских голубей. Но ни они, ни воробьи не составляли большинство среди птиц и казались самыми обычными.

После того как первая волна туристов покушала прилетали чайки. Знакомые по всем прочим морям на вид, эти отличались только поведением. Не подходили к лежакам и не ковырялись во вчерашнем дне. Они чего-то ждали, редко плавая вблизи пляжа, а в основном прогуливались по кромке воды компаниями по 10-20 особей. Ждали они следующего. Откушавшие картофеля и сосисок, а часто и куриного сэндвича, наши туристы шли с едой вдаль от центра отеля, на более пустынный участок прихватив свои телефоны и фотоаппараты. Девайсы были самые разные, от таких же мифонов, как у нас, до огромных таблеток и настоящих объективов длиной с предплечье. Туристы ежедневно менялись, но не менялся их сюжет для фото- и видеосессии. Девушка пробегала по пляжу через скопление чаек, останавливалась и подбрасывала принесённую еду. Чайки кружили над ней на лету хватая свежее. Парень стоя на колене снимал и давал различные указания, вроде: стой, беги, повернись, вернись, бросай уже скорее. Чайки охотно играли в эту кормёжку и чисто доедали в воздухе всё принесённое. Спустя пару таких сессий они могли улететь, но позже возвращались, выманивая следующую пару. Девушки могли быть приторно инстаграммными, толстыми, худыми, старыми, беременными. Парни – толстыми бородатыми мужиками, татуированными метросексуалами, матерщинниками, но чаек они кормили и выполняли свою миссию в пищевой цепочке. Мы с иронией смотрели на шоу. Поскольку лежали как раз на края цивилизации, где чайки

и волны смотрелись естественно дико, а не как сотрудники отеля. Предлагали дочери повторить сюжет, для её 16 лет вполне может быть важно сделать такое сториз. Но она смотрела на искусственных людей, что-то думала и отказывалась. Может быть просто было лень нарушать покой загара и плавания, а может быть она уже понимает ценность мгновений и то, что все фото на свете это вчерашний самообман. Нам было радостно за чаек, что так организовали свою жизнь и не опускались до обхода лежаков и осмотра урн. Поведение чаек только раз в день становилось удивительным для нас. Около 12-14 часов, нерегулярно, над пляжной полосой пролетал крупный пеликан. Одиночный, серый, отбрасывающий тень на песок как птеродактиль. На фоне граклов и чаек он казался гигантом. Как-то медленно находясь в полёте, почти не совершая взмахов крыльями, он вдруг стремительно падал в воду сложив крылья. Выныривал всегда с рыбёхой и кушал её качаясь на редких волнах. Затем шумно взлетал и снова парил по линии между водой и сушей. Совершив пару таких облётов пляжа, улетал и не возвращался. Смотреть на него было очаровательно приятно, гость из другого мира, вестник дикой природы. Он не вступал в контакт ни с людьми, ни с птицами. Так вот при его появлении, все чайки пляжа начинали кричать, махать крыльями и в конечном счёте летели за ним. Также садились на воду, когда он там был и так же взлетали, когда он поднимался. Будто пеликан был имперским кораблём, а чайки мелкими истребителями, что не мог-

ли без него выполнять задачи. Чайки не преследовали пеликана долго и возвращались когда становилось понятно, что он поел и взял курс на новый пляж. Что это было? Они ждали остатки его обеда или защищали свою территорию, поклонялись ему, прогоняли? Действие было весьма мистическим и версии сложно подтвердить. На территории отеля, в траве, находили мы и других птиц. Нескольких рассмотреть не смогли. Маленькие и пёстрые они были аналогами наших гаечек, зырянок и синиц. Но одна из мелких предстала во всей красе. Название ей обнаружить не удалось. Меньше воробья, с красными перьями на груди и в крыльях, жёлтыми также, может быть немного зелёными, среди основного чёрного оперения, она была как цветной контрастный комочек на ярко-зелёной траве. Находилась не выше 10 см от земли, где буквально кувыркалась, танцевала. Движения её были похожи на кувырки назад, сальто, при том, она тихонько пищала. Возможно, она ловила насекомых, но было похоже, что у неё пляска Св. Витта или она пьяная. Столь странными были её подпрыгивания и повороты. Птичка полюбилась нам больше остальных и была бы лучшей, если бы в один из самых спокойных дней мы не встретили колибри. Эта встреча продлилась всего пару минут и состоялась в месте самом обыкновенном, у цветочного куста по пути в главный корпус. Накануне мы вспоминали, как однажды приняли за колибри в Крыму очень крупного особенного мотылька. И судя по форумам в интернете не мы одни. Коричневое насеко-

мое очень напоминало образ колибри сложившийся в голове по видео. Мы даже тогда начали смотреть онлайн трансляцию камер в YouTube установленных над гнездом колибри в развилке веток розового куста в Бразилии. Увидеть вживую с тех пор оставалось мечтой. И вот, мы стоим перед цветущим неизвестным кустом, таким же, каким засажены бывают отели в Египте и видим яркую птицу. Зеленая как изумруд, с блестящими не перьями, а чешуёй, переливающаяся как игрушка-хамелеон, как молодёжные кроссовки обклеенные блёстками. Бесшумно, резко меняя направления, с крыльями без чётких очертаний птичка величиной с палец взрослого по очереди засовывала длинный клюв-хоботок в красные цветки. Мы не доставали телефоны, просто смотрели. Понимали, что пока начнёшь снимать, это чудо улетит и не останется в памяти ничего. А фото можно найти легко. Это был изумрудный колибри, распространённый на Кубе в некоторых местах. Единственная встреча очень запомнилась нам. Конечно же в тот день, мы прочитали в сети всё про эту птицу и рассказали об этом всем нашим родственникам. В самом конце нашего отдыха на пляж прилетела ещё и цапля. Не самая большая из тех, что я видел в России и Европе, но как говорят «прикольная». Её удалось снять на видео для нашего семейного ТикТока про животных. По-моему, цапле нечего было делать на этом пляже, еды для неё там нет. Но спасибо ей за радость посмотреть и порадоваться. Цапля позволяла идти параллельно ей вдоль пляжа и я как ребёнок

ходил с ней туда сюда, рассматривая.

Имя твоё – имбирь на языке

Посмотрел, что написал уже достаточно много и захотелось назвать текст. Сразу пришли в голову неологизмы, как шизофренику, вроде Варадерябрь. То есть как бы месяц, сезон, отрезок времени проведённый в Варадеро. Мы как раз были в октябре. Но слово это больно режет слух корнем «дыра». Вариант отвергнут, как некрасивый. Октядеро? Октярадеро? Похоже на то, что говорят маленькие дети и на «родео». Затем мне понравился заголовок – Кубаидр. Сочетание Куба и др. Поскольку «и другого» в тексте предостаточно. Но будем честны, Кубы мы не видели. Только райский её департамент Варадеро, остров в острове. Не отражающий в период пандемии полностью культуру страны и её нрав. Не хочется заявлять названием, что знаешь всю Кубу, ещё и др. Попытка придумать что-то ломающее язык и мозг тоже не украшает эти дневниковые записки. Что ж. Пусть текст подскажет сам, для чего его придётся продолжать.

Граждане и гражданки

Плюс самостоятельного тура в том, что можешь постараться выбрать отдых вдали от соотечественников. Но не те времена на дворе. Повезло, что удалось улететь не просто хоть куда-то, а на Кубу. Не получается теперь встать и уйти, если слышишь рядом глупости про Ковид на русском или просто брань, или просто глупости. Я не люблю отдыхать среди наших. Не потому что сноб или моя тонкая душевная организация ищет балет и диалоги о роли галереи Тейт в ценообразовании картин. Хотя, знаете, кого я обманываю, примерно так и есть. Мне сложно фильтровать ничего не значащие для меня слова и ругань, и чужих детей, если всё это происходит на моём родном языке. Иностранцы не лучше нас, но их информационный шум цепляет мало и я могу отдыхать, могу отключиться. Если нужно также могу и включиться, сделать усилие, перейти границу на английский. Они, иностранцы, перейти мою границу не могут и потому я в выигрыше. Хочу общаться, а хочу не понимаю ничего. С атмосферой русской словесности не получается. Мозг вылавливает диалоги во время обеда, в очереди за ромом, крадёт смысл речи проходящих мимо. И я болею. Погружаюсь в дурь чужих жизней, в их заблуждения о коронавирусе, в проблемы экономии на алкоголе, в воспитание их детей. Я ничего этого не хочу знать. Но пакетный тур включает всё. И пол-

ный пансион, и полное погружение в русскую языковую среду. Нас, меня часто отельные работники принимают на пляже за немца, редко даже туристы, но кого я хочу обмануть. Наш турист считает меня за сто метров. Поэтому всегда есть риск что кто-то подойдёт познакомиться, начнёт рассказывать о себе и такое прочее, что в моём понимании не входит во всё включено. За это нужно отдельно доплачивать, а я не платил. Более того, перед началом отдыха я сделал ошибку, вступил в телеграм-чат россиян отдыхающих в этом отеле одновременно со мной или собирающихся туда. Дело благое, узнать заранее о сложностях, тем более в такой экзотической стране в такие-то новые времена. Но когда я стал ежедневно просматривать сообщения меня окатило негативом. Люди не умеют отдыхать, критикуют всё, обсуждают как сэкономить на сигарах купленных на пляже. Какого качество могут быть сигары на пляже в стране, где всё официально в спецмагазинах? Вместо помощи приезжающим, что с тестом на вирус, что привезти с собой, участники (700 человек), обсуждали где обмануть персонал и как торговаться с экскурсиями. Я уж умолчу про дегустацию алкоголя в чём участники чата были эксперты. Я вышел из чата не сразу, чем немного испортил себе несколько часов жизни. Но нельзя выйти из отеля полного родных лиц. Потому приходится ложиться на пляже чуть дальше, обходить шумные компании большим радиусом, общаться с местными на испанском. Нельзя переделать своё русское/советское лицо, но можно попытаться об-

мануть себя и всех будучи чуть худее остальных, чуть опрятнее благодаря присмотру жены, чуть тише. Улыбка и общение с персоналом всегда помогает. Наши люди не улыбаются глядя на океан или кушая мидии. Наше семейное внимание привлекла семья «бегемотов», которые вобрали в себя все классические негативные черты нашего отдыхающего. Я учил на их примере дочь оценивать незнакомых людей, читать татуировки и быть осторожным в обществе. Семья бегемотов включала деда с двумя сыновьями, моими ровесниками, их, соответственно тремя жёнами с детьми-мальчиками и, кажется, ещё одну семью родственную или дружескую. Главный бегемот был огромным лысым мужиком с шеей шире бедра, ожиревший до безобразия, думаю, что килограммов 180. На плечах и коленях значились тюремные «звёзды», что напоминают символ НАТО. Этот «король» имел массивную золотую цепь и жил в единственном бассейне отеля, откуда постоянно пил ром посредством бара при бассейне. Выходил на обед в окружении всего стада, когда они занимали несколько столов. Сыновья его имели волосы, были на 30 кг худее и цепи меньше, пропорционально возрасту. Командовали жирными детьми и также держались бассейна, что прогревался до кипятка. Никогда семья не появлялась на пляже, не играла в волейбол, не видел я их на катамаранах и в целом в солёной воде. Это были пресные бегемоты. Жёны их отражали типаж жены бизнесмена. Худые и сиськастые, ярко одетые, по районному шумные. Доходило до леопардо-

вых вещей. Казалось, что они общаются только между собой и уделяют нулевое внимание как детям, так и мужьям. Они возлежали вокруг бассейна на кушетках и под навесами, не приближались к главному бегемоту, а за обедом обслуживали всех выставляя на стол всё новые тарелки и бокалы. Послушать их разговоры не получалось в отличие от всех остальных туристов. Мы играли рядом в пинг-понг, но я слышал только их редкие вскрики, требования напитков, а затем тихие переговоры между отдельными членами семьи. В основном они ругались на детей, учили вдруг друга как отдышать. Никто в бассейн в их присутствии не заходил. Пользуясь тем, что они уходили обедать, начиналось водное поло с аниматором, не более того. Другим типовым представителем отдыхающих, за которыми мы следили всей семьёй с интересом была пара Натали и Андрея Евгеньевича. Они прилетели вместе с нами и стояли за нами на сдачу экспресс-теста и заселение. В них чувствовалась та же потребность экзотики и быть дальше от среднестатистического туриста. У них читался опыт странствий. Супруга Андрея Евгеньевича была значительно младше своего уже пожилого интеллигентного мужчины в очках. Он уже имел О-образную деформацию ног на уровне коленных суставов и небольшой животик. Она всё ещё молодящаяся высокая и длинноногая напоминала о барках между профессором и студенткой. Опекала она его чудесно, заботилась о диете и ежедневной физической активности. Демонстрировала неплохой английский, выбирала

здоровые блюда и живо даже трепетно интересовалась всеми возможностями съездить, спеть, поиграть, то есть использовать отель на максимум. На деле всё было несколько комичнее. А.Е. тихо принимал заботу, но не поспевал за своей газелью во время прогулки по пляжу, с тоской ел спаржу, кивал в ответ на все предложения по ресторанам и поездкам. Он практически не разговаривал, потому что всё время занимала Натали. Особенностью её общения было представлять всем новым знакомым А.Е. по имени отчеству и пересказывать за него его впечатления о какой-либо мелочи или забаве. При этом сам Андрей Евгеньевич поправлял очки и говорил что-то вроде «ну да». Я так и не узнал кем работали эти двое, но они легко представлялись мне маститыми врачами, А.Е. лидером какого-нибудь общества кардиологов, Натали его верным последователем. Побольше бы таких окружающих вокруг, они хотя бы не матерились. Мы наблюдали ещё много замечательных примеров помимо просто пьющих и толстых, ничем не интересных. Например, маму с ребёнком, что не давала ему ничего толком пить и есть, в ресторан приходила с покупным соком, сделанным наверняка из того, из чего сок бесплатный. Например, высоковозрастного мужчину с неопрятными волосами и дорогим телефоном отдыхающего с пожилой мамой. Они постоянно переговаривались на тему, как плохо мама понимает, что происходит. Она спорила, везде ходила за ним. Так становятся маньяками в сериалах НВО. Например, крепко беременные с молодыми

первыми мужьями, что перенесли перелёт и жару, но теперь терялись в трёх пальмах являя миру свою энцефалопатию. Подростки-девочки ведущие записи ТикТок видео на телефон в каждом углу зала. Они истерили и кричали на родителей, что хотят уйти с жары и пляжа, что никто не думает, как им тяжело здесь и нужно моментально в номер. Нужно было им, я понимаю, не в номер, в интернет, который уверенным был только там. Бабушки из райцентров, что ходят в халатах и тапках по ресторану запасая еду на зиму, таскают её тарелками, переливают напитки в баночки, кричат через зал Гале чтобы не забыла зайти вечером с авокадой. И многие другие не составляющие большинства. Они просто выделялись среди тех, кого мы вовсе не хотели встречать. Как если бы в море индусов мы выделяли редких финнов и эфиопов. Как недалеко и мы ушли от толпы, сделали только маленький шаг. Тоже могу ругаться на дочку за ерунду, вроде нежелания пользоваться ножом или с супругой тупить в магазине. Жалкое оправдание нам – ограниченные финансовые возможности, входящие в противоречие с завышенными культурными ожиданиями. Не можем мы путешествовать там, где все указанные выше люди отсутствуют потому как любим недорогой комфорт, а все такие пути приводят нас обратно из России внутри границ к России за рубежом с её людьми и очередями.

Пляжные дела-2

Солнце всходит не резко, как в Египте и Турции, а как-то плавно. Уже и светло совсем, а прямых лучей нет. Всё подготовка, разминка. Если прийти на пляж в такой час, около семи утра, то можно застать настоящих худых и молодых отдыхающих, которые потом полностью растворятся среди толстых и видавших дно стакана. Несколько парней призывного возраста могут бегать босиком по песку, смотреть какие-то данные на своих браслетах, правильно дышать. Затем они отжимаются, следы их ладоней первые на песке, никто до них ещё не касался земли после ночи. Они обгоняют редких рыбаков, что забрасывают сеть с берега. Вторят парням-бегунам стройные молодые девушки, сидящие в позе близкой к лотосу или выполняющие асаны лицом к океану. Солнце встаёт с другой стороны и делает их тени длинными и ещё более худыми. Девушки по двое сидят неподвижно долгими минутами, их можно не заметить на пустом пляже. Парни разумеется отжимаются не далеко за поворотом пляжа, а в непосредственной близости к йогиням. Они не занимают лежаков, не разговаривают, иногда слушают музыку в наушниках. Я и сам немного был таким, бегал в Рамадан по пляжам Туниса. Бывало, что и от собак. Бегал по раннеутренним пустым улицам Грозного здороваясь с охраной президентского дворца, по мостовым Гётеборга от рыбного

запаха, вдоль каналов Амстердама и много где ещё. Действительно так дышать лучше. Пробегать под цветущей сакурой в парке Краснодара и на своей волне быть с музыкой, только твоей. Это потрясающая антидепрессивная вещь, бег одному в новом месте. Будучи в командировках, я взял за правило, как бы ни сложна была дорога на утро следующего дня бегать 10 км по новому городу. Увидеть совсем другим можно и Новгород, и Петербург, когда нет на улице других людей, а у тебя нет вещей. Только ключ от отеля и 500 рублей на всякий случай, попить воды или уехать с места с травмированной лодыжкой. Только свежий воздух. Больше нет тех командировок, пандемия. Уменьшилась и моя мотивация искать просветление через бег. Больше стало в жизни гантелей и турников, совсем много книг и сериалов. Тратить часть семейного отдыха на асаны и бег считаю непозволительным. Я должен быть рядом, чтобы перебросится фразами с женой, чтобы родился какой-то новый прикол за столом, чтобы коллекция наших общих шуток выросла. Работа и самосовершенствование это не всё, что есть. С удовольствием плачу своим временем моим близким. Утро на пляже завершается. Как-то раз у нас украли полотенце, что я оставил там перед завтраком. Подозреваю рыбаков, не бегунов же. Кому в отеле нужно полотенце? Всё же до конца завтрака я переживал ситуацию, мне было неприятно, что в таком раю у нас украли вещь, за которую по идее нужно расплатиться. Эта несущественная утренняя неприятность беспокоила

меня как большая проблема. Это моя особенность. Всё прошло, когда Юлия, прекрасно говорящая по-русски гид раз-
рулила всё одним звонком. В беседе с ней я решил не пере-
ходить на испанский или английский, это лишний раз гово-
рит, что я волновался. До этого я забывал свою бейсболку
и нашёл её на следующий день в целости. На завтра всё это
забылось, но мир людишек через кражу полотенца напомнил
мне о своей сути. Больше я их не оставлял.

Чудеса

Неизбежно наступает тот день, когда перестаёшь чему-либо удивляться. То, что в начале отдыха вызвало бы смех или обсуждение за ужином проходит мимо как банальность. Всё кажется естественным и всем прощаешь квадратность поступков. Во время очередного вечернего концерта дама якутской внешности просит микрофон. Извиняется перед публикой и после долгого тоста-речи в честь сестры поёт национальную песню, что-то про шаманов и малую родину. Без музыки, от чистого сердца. Сестра по-видимому сидит тут же, обе в национальных парчовых платьях до пола, платках, туфлях и чувствуют себя среди шаркающих шлёпками туристов великолепно. До их Якутии 12 часов времени, они находятся на противоположной стороне земли. Добирались сюда через Москву целые сутки. Песня шамана, День рождения, всё ок. Концерт продолжился. По пляжу мимо фитнес-богинь бредут тряся варикозными венами счастливые старушки с беседой про огород. Они будто заблудились в пространстве, сели не на свой автобус, а в портал и попали на Кубу. Перешагивают крабовые норы, спорят о рассаде, лица у них куда как счастливее, чем у стройных спортивных молодых. Последние какие-то замученные и невесёлые. Поперёк песка скорым шагом две тётки с кокосами размером с голову. Надыбали их где-то в зарослях, бесплатные сокровища, несут

далеко, пыхтят, чем будут открывать? Взятými в ресторане ножами? На лицах чистая радость. Под мышками огромные кокосы. У одной из дам на широкой попе с трусами написано «Aloha, beach!». Весьма неоднозначно. Радостные добытчики перегоняют огородников и распугивают стройных. Парень, меняющий полотенца в киоске тоном заговорщика на ломаном русском втяхивает молодой паре сигары, прячет их при каждом шорохе и объясняет что-то про государственную фабрику с которой вынесли это и теперь можно купить дешевле, чем в магазине. Смотрю через плечо, сигары не упакованы, выглядят не очень, сколько дней они бы в карманах киоскёра. Тот замечает меня, останавливает разговор. Я на испанском прошу поменять полотенца, улыбаюсь как настоящий иностранец, а не русский турист. Момент и он теряет ко мне интерес, обмен произошёл, возвращается к паре россиян и бегаёт глазами по ним. Мороженщица в саду приветствует меня весело и спрашивает про дочку. Я беру тройную порцию для своих как родственник этой женщины, перебрасываюсь фразами, говорю, что скоро уезжаю. Она вздыхает и сетует, что не удалось посетить Гавану, рассказывает, как её любит, перечисляет какие-то места. Показывает мне новую бумажку, что выдал менеджер. Там столбик русских слов «сок, мороженое, малина, спасибо» с переводом. Говорит, что учит. Теперь все туристы из России, надо. Повторяет несколько раз слово «сок». За мной незаметно собралась очередь молчащих любителей мороженого с ма-

линовым сиропом, я ухожу, всем улыбаюсь, думаю, что они поняли наблюдая диалог с мороженщицей. Каждое столкновение с местным не из отеля заканчивается предложением обмена валюты. Доллары запрещены, но это не важно, всё идёт в дело. Курс совершенно непредсказуемый, может быть как официальный 30 к 1, а может быть 70 к 1. При этом много не меняют, не больше 50-100 евро, например. Объясняют так, что песо можем и не потратить, будут претензии, назад не меняем, не хотят нас обидеть. Заходим с супругой в магазин. Видим какую-то ненужную вещицу, лениво смотрим – 10 евро. Если наличными, то так и будет. Если картой, будет 18 и не понимаем почему. Если песо, то по курсу – 300. При выходе из магазина стоит парень, обмен 1 евро = 60 песо. То есть можем поменять, вернуться в магазин и взять ту ненужную вещицу за 5, вместо 10. Загадка. Вторая неделя отдыха завершается, нам уже всё равно, мы не хотим ломать голову и изобретать объяснения ситуации. Мы улыбаемся нашему наблюдению, ничего не меняем, не покупаем, выходим из-под навеса на солнце. Идём вдоль пальм, в которых мелкие шумные незнакомые птички поют о своём. Пешком идём в отель, не реагируя на притормаживающие сокровища на колёсах, национальные достояния острова, машины достойные убийства президента. Шофёры не понимают, зачем идём под солнцем, пара евро и в отель. А мы уже не можем объяснить, нам просто хорошо, идём вдоль трассы, безуспешно пытаюсь схватить за хвост ящерок. Жена находит акацию стыдливую

на которую ходили смотреть пару раз в холодной Москве в Аптекарский огород. Втроём замираем. Проводим пальцем по листьям, акация закрывается, дуем на неё – тоже закрывается. Чудеса.

Возвращение

Раннее утро и наш уже давно перестроившийся на местное время мозг протестует. Глаза слипаются. Солнце не проснулось и всё кажется какой-то ненужной суетой. Накануне сложенные вещи, чётко по 10 кг рассортированные сумки. В холле никакого обещанного ланч-бокса, забыли, не знали, специально не принесли? Пытаемся пить кофе, который не лезет в рот. Вокруг постепенно формируется тусовка уезжающих. Как хорошо, что мы не жили в общем корпусе, были всё время в нашем милом особнячке на полянке. Все туристы перезнакомились и общаются, как родственники на свадьбе, пересказывают какие-то алкогольные праздники, хохочут над только им понятными шутками. Создаётся впечатление, что весь автобус до аэропорта это одна большая семья и мы втроём в нагрузку. Все тут же максимально откидывают кресла, но не лежат в них, а прыгают как обезьяны, кричат, ложились ли они спать вообще? Только расселись как выяснилось, что кто-то забыл в холле телефон, ждём. Потом ждём какого-то человека, потом чемодан. Гид, которого я раньше не видел демонстрирует свой неплохой русский и убеждает, что все успеют и всё в порядке. Пассажиры суетятся и получается, что по-настоящему готовы ехать и по-настоящему ждём только мы втроём. Отъезжаем к другим отелям, забираем примерно таких же возбуждён-

ных. У последнего отеля выясняется, что в первом, нашем, кто-то забыл чемоданы. Без комментариев. Возвращаемся. Гид всё так же спокойно говорит, что всё нормально. Начинает рассказывать про Кубу и разную полезную информацию об отдыхе, обычаях, которая теперь уже никому не нужна. Он старается. Я слушаю про цены на недвижимость и машины, про то как выбрать лучший ром и сигары в дьюти-фри. Автобус гудит, хотя отдельные начинают вырубаться криво раскидывая ноги на креслах. Как хорошо, что мы не жили рядом с ними. За окном встаёт солнце освещая напоследок океан. А вот уже и аэропорт. Вкладываю пять евро в паспорт на посадке и по-испански прошу посадить нас вместе и на удачные кресла. Работник, вежливый стройный мужчина всё делает как надо, даже встаёт из-за стола, когда объясняет где сидим и куда сейчас идти. Смотрим на циферки в билете и поражаемся. Назад мы летим точно на тех же местах, что были у нас по пути из России. Мистика. Зона торговли крохотная, но добросовестная, русских и кубинцев пополам. Последние судороги шоппинга, спускаем наличность до нуля, подарки, ограниченность всё теми же нелепыми сувенирами, ромом и сигарами. Цены рычат. В друг замечаем кофе, которого не видели две недели. Дорого, но берём. Страна победившего социализма, нет кофе среди кофейных плантаций. Отпускаем дочку побродить по залу отлёта, поискать себе сувенир, но ничего не находит, возвращается. Сражаемся за вай-фай, сперва не получается, но затем вдруг прорывает

и падаем в кресла и в сеть. Рядом без сознания натурально лежит молодая женщина с задравшейся футболкой, двое маленьких детей её трясут и пытаются разбудить каждые минуты три. Женщина почти не двигается, не открывает глаза, детей можно спокойно увести за угол и съесть. Не видно чтобы кто-то из сидящих был их папой или бабушкой. Единственный стоящий у рукава самолёт, конечно же, наш. Грузимся в беспорядке толстой очереди. Сливаются два потока: модно одетых в тёплые вещи в вязаных шапках кубинцев и поток в шортах и соломенных шляпах русских. На этот раз всё наоборот. У россиян ручной клади много, у кубинцев почти нет. Снова убеждаюсь, что с обеих сторон летят не лучшие представители. Молодёжь острова свободы утомляет музыкой из телефонов и видеозвонками, ослепляет огромными металлическими буквами «дольчегабана» на каждом аксессуаре. Наши сдают позиции. Спят стоя, хотя 10 утра. Детей держат кое-как кверху тормашками, сумки волочатся по полу, наши устали отдыхать. А у кого-то впереди ещё перелёт до Якутии...

Финал

Стучу кулаком по руке кубинца, сидящего впереди, что закидывает свою руку мне до лица. Хватает ненадолго. Он летит первый раз или такой невоспитанный с утробы. По мере приближения к матушке-родине оживают россияне. Прорываются, начинают выпускать мелких крикунов в проход кресел, ходить в туалет. Напротив, кубинцы затихают, становятся сонливыми и скромными. Всех одинаково возбуждает только плохой сервис, в частности кормёжка, постоянно что-то заканчивается. Стюардессы не знают как по-английски скачать говядина и курица. Мусор собирают, когда его ещё нет. А потом долго не забирают пустые коробочки, что служат тарелками. Всё начинает пахнуть и падать на пол. Кубинец через ряд роняет всё что можно: телефон, стакан с кофе, рис, голову, наушники, топчется по этому бараклу, раздосадовано кивает кому-то, признаёт вину. Маски на лицах отсутствуют или поселились вкривь, с краю, как гнёзда стрижей. Я сижу у прохода и тоже устал от маски. Спустя шесть часов полёта мотивация заканчивается. Шесть часов назад тянутся как двенадцать туда. Неудачно скачал аудиокниги, оказались короткими и неинтересными. Не ждал такой подставки от Стейнбека и Чехова. Разговариваем с супругой в перерывах между едой и попытками уснуть. Околошнейные подушки уже не помогают, но снять их лень. Всё меняется, ко-

гда нас, всё же отключившихся, будит дочь, сидящая у окна. Вернее, она будит маму, а мама меня, да так что я искренне пугаюсь, не горит ли там двигатель заметный с места дочери. На лице жены восторг-испуг, у дочки – широко раскрытые глаза. Переवेशиваюсь и вижу плотную широкую волну изумрудного цвета на уровне и ниже самолёта по всему горизонту. Как плотный туман, как в кино изображают волшебный свет над колдовским болотом, как зелёная гуашь, разведённая в тазу с водой. Северное сияние. Живо обсуждаем, прикидываем как летит самолёт. Вдоль побережья Северной Америки к Гренландии, к Исландии, затем к Хельсинки и с севера на Москву. Сейчас мы посередине, приблизительная Исландия. Так вот они летают, не через океан по прямой. Кажется, что никто не смотрит в иллюминаторы, либо уже насмотрелись. Жена давно хотела в Териберку, вот теперь вопрос закрыт. Посмотрели сияние бесплатно. Шучу с ней по этому поводу. Дочь совершает чудеса фотографирования, убирает блики, приближает, но фото не передаёт масштаб наблюдаемого явления. Долго летим то ли параллельно, то ли сквозь ЭТО. Какая награда за затёкшую шею. Счастливые перевариваем событие и это даёт нам важное время не чувствовать себя усталыми. Смиренно сидим. Держимся за руки в тайном восторге от увиденного. Такая вишенка на торте путешествия. Дальше посадка, быстрое получение багажа, покупка на кураже портвейна на «когда-нибудь, на Новый год», такси. Без разбора вещей приятный сон при задёрну-

тых шторах с отключенными телефонами и отвёрнутыми к стенке светящимися часами. Просыпаемся с женой и думаем сколько времени. Прилетели в пять утра, легли в семь, сколько сейчас? Час дня? Оказывается, что пятый час дня. Радует, как дети. Встаём с правильной ноги и начинаем какую-то другую послеварадерную жизнь.